

Ф.Д. ДЖЕЙМС

ЛИЦО ЕЕ ЗАКРОЙТЕ

ИЗОЩРЕННОЕ
УБИЙСТВО

Филлис Дороти Джеймс
Лицо ее закройте.
Изощренное убийство
Серия «Ф. Д. Джеймс с/с»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67031036

Джеймс, Филлис Дороти. Лицо ее закройте ; Изощренное убийство:

АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-138460-9

Аннотация

Молоденькая горничная из богатого дома была слишком умна, слишком красива и слишком хитра.

Она слишком многое знала – и слишком многого хотела.

Ее убийство не показалось многоопытному детективу Адаму Дэлглишу странным – убитую ненавидели все члены семьи и даже их соседи. Однако не похоже, чтобы кто-нибудь из них мог решиться на такое страшное преступление.

В подвале дорогой психотерапевтической клиники обнаружен труп жестоко убитой женщины.

Многоопытный следователь Адам Дэлглиш, ведущий расследование, вскоре понимает: преступление мог совершить практически любой сотрудник клиники, за респектабельным

фасадом которой скрывается лабиринт темных страстей, интриг и амбиций.

Никогда еще не приходилось Дэлглишу проигрывать схватку с преступниками.

Но на сей раз убийца не уступает ему ни решительностью, ни интеллектом – и все время идет на шаг впереди...

Содержание

Лицо ее закройте	6
Глава первая	6
Глава вторая	27
Глава третья	51
Глава четвертая	70
Глава пятая	135
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Филлис Дороти Джеймс

Лицо ее закройте.

Изощренное убийство

P.D.James

Cover her Face

A Mind to Murder

© P.D. James, 1962, 1963

© renewed P.D.James, 1990, 1991

© Перевод. А. Николаевская, 2016

© Перевод. Е. Филиппова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Лицо ее закройте

Глава первая

1

Ровно за три месяца до убийства в Мартингейле миссис Макси устроила прием. Спустя годы, когда судебный процесс почти стерся из памяти – остались лишь скандальные подробности да заголовки на пожелтевших газетных страницах, которыми застилали полки в кухонном буфете, – Элеонора Макси вспомнила тот весенний вечер как первый эпизод трагедии. Память, капризная и своевольная, воскрешала картину ничем не примечательного ужина, окутывая ее аурой дурных предчувствий и тревоги. Теперь, в ретроспективе, он казался ритуальной встречей под одной крышей жертвы и подозреваемых. Прологом к сцене убийства. На самом деле на ужине присутствовали не все подозреваемые. Во-первых, Феликс Герн в тот уик-энд не был в Мартингейле. Но в воображении Элеоноры Макси он тоже сидел за столом, следя насмешливым и пытливым взглядом за гримасами и ужимками входящих в роль актеров.

Конечно же, вечер был заурядным и скучным. Трое гостей – доктор Эппс, викарий и мисс Лидделл, смотрительница приюта Святой Марии для девочек, – слишком часто сиживали за одним столом, чтобы ждать друг от друга чего-нибудь новенького или испытывать от подобного соседства особый восторг. Кэтрин Бауэрз была непривычно молчалива, а Стивен Макси и его сестра Дебора Рискоу с трудом сдерживали раздражение. Стивен не приезжал домой из своей больницы больше месяца, и пожалуйста – именно в этот день устроили прием. Миссис Макси только что взяла в горничные мать-одиночку из приюта мисс Лидделл, и девушка первый раз прислуживала гостям. Но напряжение, сковавшее всех участников трапезы, вряд ли было вызвано присутствием Салли Джапп, ставившей блюда перед миссис Макси и убиравшей тарелки с завидной сноровкой, которую отметила не без удовлетворения мисс Лидделл.

Судя по всему, по крайней мере один гость был безмятежно счастлив. Бернارد Хинкс, викарий Чадфлита, был холостяком, и любая возможность отказаться от сытной, но неудобоваримой стряпни своей сестрицы, которая вела его хозяйство, – она-то никогда не разъезжала по гостям! – оборачивалась для него истинным праздником, так что ему было не до светской болтовни. Милый, приятный мужчина, он казался старше своих пятидесяти четырех лет, слыл нерешительным и робким во всех вопросах, за исключением веры. Теология была его главной, практически единственной стра-

стью; случалось, правда, прихожане не всегда понимали его проповеди, хотя принимали их восторженно и считали, что он шибко умный, оттого и говорит непонятно. Однако в деревне знали, что викарий никому не отказывает ни в помощи, ни в совете, и если предыдущий был малость туповат, то на теперешнего можно было положиться.

Для доктора Чарлза Эппса ужин означал отличную еду, общество очаровательных женщин, с которыми можно поболтать, и передышку от его нудной деревенской практики. Он вдовел, жил уже тридцать лет в Чадфлите, досконально знал почти всех своих пациентов и мог без ошибки сказать, кому грозит смерть, а кому нет. Он был уверен, что нет на свете такого врача, который способен повлиять на исход болезни, что мудрость состоит как раз в том, чтобы знать, когда твоя смерть причинит ближним твоим как можно меньше хлопот, а тебе – печали, считал также, что новейшие достижения медицины продлевают жизнь больному лишь на несколько никому не нужных месяцев к вящей славе того, кто его лечит. И все-таки он был совсем не глуп и обладал куда большими познаниями, чем полагал Стивен Макси, и совсем немногие его пациенты предстали перед неизбежным концом раньше предписанного им часа. Он дважды принимал роды у миссис Макси, был домашним доктором и другом ее мужа; впрочем, Саймон Макси не мог долее поддерживать эту дружбу и ценить ее – он помутился в уме. Сейчас доктор сидел за столом семейства Макси и поддевал вил-

кой суфле из цыпленка с видом человека, который заслужил честным трудом свой ужин и не намерен поддаваться настроению прочих.

– Так вы взяли Салли Джапп с ребенком, Элеонора? – Доктору Эппсу никогда не возбранялось формулировать очевидное. – Милые создания эти обе крошки. Да и вам стало повеселее – снова малыш в доме.

– Хочется надеяться, что и Марта так считает, – сказала сухо миссис Макси. – Ей, конечно, без помощницы не обойтись, но она такой консерватор. Эта ситуация может оказаться ей не по душе.

– Да справится она с ней. Моральные соображения отступят, все же на кухне появилась лишняя пара рабочих рук. – Душевные колебания Марты Балтитафт не очень, видно, волновали доктора, что он и подтвердил взмахом короткопалой руки. – Очень скоро она в младенце души чаять не будет. Джимми – прелестный ребенок, какое кому дело, кто его отец.

В этот момент мисс Лидделл сочла необходимым довести до слушателей свое мнение умудренного опытом человека:

– Не думаю, доктор, что нам следует с такой легкостью относиться к этому явлению. Естественно, мы, христиане, должны быть милосердны, – при этих словах мисс Лидделл чуть заметно поклонилась в сторону священника в знак того, что не забывает: среди них – специалист в этой области, и она приносит извинения, что вторгается в нее, – но не могу

отделаться от мысли: общество в целом слишком снисходительно к этим девицам. Нормы морали будут неуклонно падать, если к таким детям относиться с большей заботой, чем к рожденным в лоне семьи. А это уже имеет место! Бедные, достойные всяческого уважения матери не видят и половины заботы и ласки, которыми мы одариваем этих девчонок!

Она обвела взглядом сидящих за столом, побагровела и с новым рвением принялась за еду. Ну и что с того, что она их огорошила? Это надо было сказать. Ее святой долг. Она посмотрела на священника, ища поддержки, но мистер Хинкс, озадаченно взглянув на нее, снова занялся едой. Уж больно святой отец усердствует над тарелкой, с раздражением подумала мисс Лидделл, оставшись без союзника. Но тут она услышала голос Стивена Макси:

– Да эти дети, без сомнения, ничем не отличаются от всех остальных, разве что мы больше перед ними в долгу. Я тоже не считаю, что их матери такие уж замечательные. Но в конце концов, много ли найдется людей, соблюдающих законы морали, за нарушение которых они презирают этих девиц?!

– Очень много, доктор Макси, уверяю вас. – Мисс Лидделл по роду своей профессии не привыкла, чтобы ей перечили младшие. Стивен Макси, может, и перспективный молодой хирург, но это вовсе не значит, что он специалист по проблемам оступившихся девиц. – Мне страшно подумать, что мерзости, о которых приходится слышать по долгу службы, – в порядке вещей для современной молодежи.

– Поскольку я представитель современной молодежи, поверьте мне, мы частенько позволяем себе презирать тех, кто просто попал в беду. Эта девушка, по-моему, ведет себя совершенно нормально и достойна уважения.

– Да, она тихая, у нее прекрасные манеры. К тому же достаточно образованна. Окончила классическую¹ школу! Я бы и помыслить не смела рекомендовать ее вашей матушке, если бы она не была самой безупречной воспитанницей приюта Святой Марии. Она сирота, ее воспитала тетка, но надеюсь, эта подробность не разжалобит вас. Салли предстоит потрудиться, чтобы использовать выпавший ей шанс. Прошлое позади и забыто навсегда.

– Должно быть, нелегко забыть прошлое, когда оно оставляет о себе столь явное воспоминание, – сказала Дебора Рискоу.

Доктора Эппса утомлял этот разговор, у него грозило испортиться настроение и, может, даже пищеварение, потому он поспешил внести свою лепту. Отчего, к сожалению, собеседники еще более разошлись во мнениях.

– Она хорошая мать и славная женщина. Может, повстречает еще парня и выйдет замуж. Самое лучшее. Не нравятся мне такие семьи – мать-одиночка и ребенок, слишком уж они замыкаются друг на друге, и ничего путного из этого не выходит. Иногда мне кажется – понимаю, мисс Лидделл, это

¹ Школа для детей от 11 до 18 лет, программа которой предусматривает изучение классических языков. – *Здесь и далее примеч. пер.*

звучит дико, — что самое лучшее — отдавать этих малышей со дня рождения в нормальную семью.

— За ребенка несет ответственность его мать, — изрекла мисс Лидделл. — Ее долг — растить его и заботиться о нем.

— Все шестнадцать лет, без отцовской помощи?

— У нас действует закон об установлении отцовства, доктор Макси, мы прибегаем к его помощи, когда можем. К сожалению, Салли заупрямилась, не сказала нам фамилии отца, так что мы бессильны.

— На несколько шиллингов теперь далеко не уедешь. — Стивен Макси явно настроился продолжать эту тему. — Думаю, Салли даже не платят пособие на ребенка.

— Мы живем в христианской стране, дорогой мой брат, и расплата за грех — смерть, а не восемь шиллингов налогоплательщика.

Дебора произнесла эту фразу едва слышно, но мисс Лидделл услышала ее и поняла, что она предназначалась ей. Миссис Макси почувствовала, что ей пора вмешаться. По крайней мере двое гостей полагали, что ей следовало сделать это раньше. Миссис Макси никогда ничего из-под своего контроля не выпускала.

— Я сейчас позову Салли, — сказала она, — давайте сменим тему. Рискую навлечь на себя ваше недовольство, но хотела бы спросить вас о церковном празднике. Конечно, вам кажется, я пригласила вас под каким-то надуманным предлогом, но мы на самом деле должны назначить дату.

Когда Салли появилась в столовой, разговор был столь скучным и мирным, что даже Кэтрин Бауэрз была удовлетворена. На эту тему каждый мог разглагольствовать сколько заблагорассудится.

Мисс Лидделл наблюдала, как Салли Джапп обходит стол. Можно было подумать, что беседа за ужином впервые возбуждала в ней желание как следует разглядеть девушку. Салли была очень тоненькая. Пышные золотисто-рыжие пряди волос, выбившиеся из-под заколки, казались слишком тяжелой ношей для нежной головки. Руки еще детские, длинные, с острыми локтями, с красноватой кожей. Пухлые губы скромно поджаты, в зеленых глазах сосредоточенность. Ни с того ни с сего на мисс Лидделл накатил волна умиления. Салли и впрямь прекрасно справляется со своими обязанностями, просто прекрасно! Она подняла глаза, чтобы перехватить взгляд девушки, одарить ее улыбкой одобрения и поддержки. И встретила ответный взгляд. Секунды две они смотрели друг на друга. Потом мисс Лидделл вспыхнула и опустила глаза. Нет, она ошиблась! Да как же Салли осмелилась так смотреть на нее! В смятении и ужасе она пыталась понять, что ее поразило. Еще до того, как изобразила на своем лице это самое одобрение, она прочитала в глазах девушки не покорную благодарность, олицетворением которой Салли Джапп из приюта Святой Марии всегда была, а веселое пренебрежение, намек на какую-то тайну и неприязнь, столь явную и сильную, что это просто пугало. Потом Салли

ли потупила зеленые глаза, и непонятная незнакомка снова превратилась в послушную, покорную Салли, самую любимую заблудшую овечку, пользующуюся особым благоволением мисс Лидделл. Но тот момент не прошел бесследно. Мисс Лидделл просто дурно сделалось от мысли, озарившей ее. Ведь она дала Салли отличную рекомендацию. Девушка вроде бы отвечала всем требованиям. Была, можно сказать, безупречна. Даже слишком хороша, чтобы батрачить в Мартингейле. Но назад ходу нет. Поздно решать, мудро она поступила или глупо. Самый печальный исход – позорное возвращение Салли в приют. Впервые мисс Лидделл поняла, что, порекомендовав свою лучшую воспитанницу в Мартингейл, она навлекла на свою голову неприятности. Но ей не дано было предугадать их размеры, равно как и то, что венцом их станет убийство.

Кэтрин Бауэрз, приехавшая в Мартингейл на уик-энд, за столом помалкивала. Она была девушкой честной и искренней, и, когда поняла, что она на стороне мисс Лидделл, ей стало не по себе. Слов нет, Стивен весьма благородно и великодушно заступился за Салли и ее подруг по несчастью, да еще с такой страстью заступился, но Кэтрин он разозлил, вот так она начинала сердиться, когда ее друзья, не имевшие отношения к медицине, разглагольствовали о благородстве ее профессии. Романтика – вещь прекрасная, но что толку от нее тем, кто носит с подкладными суднами или имеет дело с правонарушителями. Ее так и подмывало сказать это

вслух, но присутствие Деборы, сидевшей напротив, лишало ее дара речи. Ужин, как и все неудачные светские мероприятия, длился бесконечно. Ну как можно, думала Кэтрин, настолько долго пить кофе, и пора бы уж мужчинам раскуривать трубки.

Наконец все кончилось. Мисс Лидделл заспешила в свой приют, заметив, что ей спокойнее, когда мисс Поллак не остается слишком долго одна. Мистер Хинкс, пробормотав что-то о том, что ему надо подготовиться к завтрашней службе, растворился в весеннем воздухе, словно бесплотный дух. Дебора Рискоу и доктор Эппс безмятежно болтали о музыке, пристроившись у камина в гостиной. Кэтрин предпочла бы говорить о чем-нибудь другом. Лучше телевизор посмотреть, но телевизор в Мартингейле только у Марты в комнате. Если уж говорить, то о медицине. Доктор Эппс, естественно, воскликнул бы: «Конечно, вы ведь санитарка, мисс Бауэрз! Повезло Стивену – рядом с ним человек, который живет теми же профессиональными интересами, что и он». Потом они втроем станут болтать, к ним подсядет Дебора, но на этот раз ей придется помалкивать – пусть знает, что мужчины устали от хорошеньких бестолковых женщин, хотя они и в роскошных нарядах, и что Стивену на самом деле нужен единомышленник, коллега, способный беседовать с его друзьями толково, со знанием дела. То были заманчивые мечты, и, как большинство мечтаний, они не имели ни малейшего отношения к реальности. Кэтрин сидела, протянув руки

к тонким язычкам пламени в камине, и старалась выглядеть непринужденно, пока другие говорили о композиторе с каким-то нелепым именем – Питер Уорлок; она о нем ничего не знала, вроде очень давно жил, но не помнила когда. Дебора, естественно, заявила, что не понимает его, но, как всегда, ее невежество выглядело милым. Потом завела с Кэтрин разговор (как поживает миссис Бауэрз, видите ли, ей интересно), до чего же высокомерная особа. Но тут, к счастью, вошла новая горничная сообщить доктору Эппсу, что у женщины с дальней фермы начались схватки. Доктор поднялся с явной неохотой, встряхнулся, словно лохматый пес, и раскланялся.

Кэтрин сделала последнюю попытку.

– Сложный случай, доктор? – спросила она бодро.

– Да нет, мисс Бауэрз. – Доктор Эппс обвел рассеянным взглядом гостиную в поисках своей сумки. – У нее уже трое. Милая женщина, хрупкая, просто ей легче, когда я подле нее. А почему – одному господу известно! Она может родить, как говорится, не моргнув глазом. Всего доброго, Элеонора, благодарю за прекрасный ужин. Я собирался подняться к Саймону перед уходом, но, если позволите, загляну завтра. Вам, верно, надо новую порцию снотворного. Я захвачу с собой.

Он раскланялся и, тяжело ступая, направился в сопровождении миссис Макси в холл. Вскоре собравшиеся услышали, как на подъездной аллее взревел мотор его машины. Эппс

предпочитал маленькие быстрые машинки, из которых выбирался с превеликим трудом, за рулем он смахивал на хитрого старого медведя, отправившегося на пирушку.

– Давайте пройдемся в конюшни, – предложила Дебора, когда звук мотора замер вдали. – Посмотрим на Боукока и его лошадей. Конечно, если Кэтрин согласна прогуляться.

Кэтрин очень даже не прочь была прогуляться, но не с Деборой. Поразительно, почему Дебора не замечает или делает вид, что не замечает, что им со Стивеном хочется остаться вдвоем. Но уж если Стивен не объяснил ей, то Кэтрин тем более не станет этого делать. Скорее бы им пожениться, развязался бы он со своими родственниками. Вампиры, а не люди, думала Кэтрин, которой доводилось встречаться с такой породой во время своих «вылазок» в мир современной литературы. Дебора, ни сном ни духом не ведавшая о своих жутких наклонностях, вышла через балконную дверь и побрела по лужайке.

Конюшни раньше принадлежали Макси, а теперь были собственностью Сэмюэля Боукока; они находились в двухстах ярдах от дома, по другую сторону лужайки. Старина Боукок чистил упряжь при свете фонаря, насвистывая сквозь зубы. Коренастый шатен с лицом гнома, раскосыми глазками и большим ртом, он встретил Стивена с нескрываемой радостью. Они пришли посмотреть на трех лошадей, с которых Боукок начал свой небольшой бизнес. И чего ради Де-

бора суетится вокруг этих лошадей, думала Кэтрин, смешно же это – прижимается к мордам, сюсюкает с ними, точно они люди. Это в ней инстинкт материнский бурлит впустую, думала она со злостью. Лучше бы свою энергию в палате, на больных ребятишек тратила. Хотя что с нее проку. Кэтрин хотелось поскорее вернуться в дом. Конюшня сияла чистой, но остался терпкий запах лошадей – видно, их сегодня здорово погоняли, – почему-то он подействовал на Кэтрин возбуждающе. Один раз тонкая смуглая рука Стивена оказалась совсем близко от ее руки на шее лошади. Непреодолимое острое желание дотронуться до нее, ударить ее, даже поцеловать заставило Кэтрин закрыть глаза. А потом, в темноте, всплыли другие сладостные, смущающие воспоминания – та же рука проводит полукруг у нее на груди, она кажется еще смуглее на фоне белизны, медленно и нежно движется эта рука, предвестница наслаждения. Кэтрин, почти шатаясь, вышла в весенние сумерки, за спиной звучали медленная, нерешительная речь Боукока и энергичные голоса Макси, наперебой отвечающие ему. И снова подступил этот смертельный ужас; с тех пор как она влюбилась в Стивена, с ней такое случалось. Он накатывал неожиданно, парализуя волю и здравый смысл. В эти минуты все становилось нереальным, и она почти физически ощущала, что ее надежды рушатся, как песочные замки. Причиной своих несчастий и двусмысленного положения она считала Дебору. Дебора – ее враг. Дебора-то была замужем, ей-то улыбнулось счастье.

Дебора, хорошенькая, эгоистичная и пустая. Кэтрин прислушивалась в сгущающихся сумерках к голосам, в ней клокотала ненависть, доводя ее до одурения.

Когда они вернулись в Мартингейл, она взяла себя в руки, мрак и ужас отступили. Теперь она снова чувствовала себя спокойно и уверенно. Рано пошла спать и, вконец успокоившись, почти поверила, что он придет к ней. Нет, он не посмеет этого сделать в отчем доме, убеждала она себя, это было бы безумием с его стороны, а с ее – смертельным оскорблением для тех, кто оказал ей гостеприимство. Но тем не менее она ждала его в темноте. Через какое-то время она услышала звук шагов по лестнице – его и Деборы. Брат и сестра тихонько смеялись. Они даже не замедлили шаг, проходя мимо ее дверей.

2

Наверху, в спальне с низким потолком и белыми стенами, где он спал с пеленок, Стивен лег на кровать.

– Устал, – сказал он.

– Я тоже. – Дебора зевнула и присела к нему. – Мрачный ужин получился. Зря его мама устраивала.

– Они все чудовищные лицемеры.

– А кем же им еще быть? Так уж их воспитали. Эппи и мистер Хинкс, по-моему, их не хотели обидеть.

– Зато я выглядел довольно глупо, – сказал Стивен.

– Ты разбушевался, точно сэр Галаад², бросился на защиту обиженной горничной, только она скорее грешница, а не обиженная.

– Она тебе не нравится? – спросил Стивен.

– Дорогой мой, да я и не задумывалась над этим. Она работает у нас, и ладно. Понимаю, я кажусь тебе ретроградкой, ты ведь у нас прогрессивных взглядов, но я не это имела в виду. Она мне безразлична, совершенно безразлична, равно как и я, полагаю, ей.

– Мне жаль ее. – В голосе Стивена прозвучала резкая нота.

– Это было и слепому видно во время ужина, – сказала холодно Дебора.

– Меня доконало их проклятое самодовольство. И эта Лидделл. Как можно было назначать старую деву смотрительницей приюта Святой Марии?

– Не понимаю, а почему бы и нет? Может, она женщина и не очень умная, но добрая и честная. К тому же ее подопечные, по-моему, уже пострадали от чрезмерного увлечения сексом.

– О Дебора, ради всех святых, не злословь!

– А что ты хочешь – чтобы я умилялась? Мы видимся с тобой раз в две недели. Мне лично тяжело высиживать на этих маминых приемах, наблюдать, как Кэтрин и мисс Лидделл пересмеиваются, поскольку уверены, что ты без ума от

² Один из рыцарей Круглого стола, воплощение рыцарских добродетелей.

этой смазливой горничной. От подобной пошлости Лидделл получает особое наслаждение. Завтра же весь разговор за столом станет достоянием местных жителей.

– С ума они сошли, что ли? Я видел девушку мельком, не помню, говорил ли с ней. И выдумают же такое!

– И я так считаю. Бога ради, милый, попридержи свои рыцарские чувства, пока ты дома. Неужели нельзя сублимировать социально-общественные порывы в больнице, чтобы не выплескивать их дома? Не очень-то приятно наблюдать, как ты бурлишь, особенно тем из нас, у кого чувства отсутствуют.

– Я сегодня не в себе, – сказал Стивен. – Не знаю, как мне быть.

Дебора, как всегда, моментально поняла, о чем говорит брат.

– Она страшная зануда, правда? Почему бы тебе не подвести черту под вашим романом? Изящно, конечно. Думаю, с некоторыми романами не стоит тянуть.

– Ты отлично знаешь, что это именно такой роман, вернее, был роман. Но что я должен сделать?

– Для меня это никогда не составляло особого труда. Вся хитрость в том, чтобы заставить другого поверить, что инициатива исходит от него. А спустя несколько недель я почти верю в это сама.

– А если не сработает?

– Люди умирают, и черви съедают их, но умирают они не

от любви.

Стивену хотелось спросить, когда ей удастся убедить Феликса Герна – если вообще удастся – в том, что это он первый решил расстаться с Деборой. В подобных делах, как и в прочих других, Дебора проявляет завидную жестокость.

– А я малодушничая в таких ситуациях, – сказал он. – Мне трудно отделаться от человека, даже если он меня раздражает.

– Вот именно, – подхватила сестра. – И это твоя беда. Слишком слабовольный и слишком впечатлительный. Пора тебе жениться. Мамочка просто мечтает об этом, правда. На ком-нибудь с состоянием, если подвернется, но чтоб не до омерзения богатой была, а в меру.

– Без сомнения. Но на ком?

– Действительно, на ком же?

Неожиданно Дебора утратила интерес к теме. Она вскочила, подошла к окну и облокотилась о подоконник. Стивен смотрел на ее профиль, такой похожий на его и при этом загадочно другой, вырисовывающийся на темном фоне ночи. Горизонт прорезали вены и артерии угасающего дня. Из сада доносилось благоухание – мощная, бесконечно сладостная волна запахов английской весенней ночи. Лежа в прохладной темноте, он прикрыл глаза и отдался покою Мартингейла. В подобные минуты ему становилось понятно, почему мама и сестра так хлопочут, чтобы сберечь ему наследство. Он первый в их роду занялся медициной. Поступил,

как счел нужным, а близкие согласились с его выбором. С таким же успехом он мог бы выбрать еще менее перспективное ремесло, хотя трудно представить, какое именно. Со временем, если он уцелеет в этой мясорубке, в бешеной погоне за успехом, и обойдет конкурентов, и ему повезет, он станет консультантом. Может, даже преуспеет и будет сам содержать Мартингейл. А пока что они из кожи вон лезут, экономят на чепухе, но ни в чем не отказывают ему, сами ковыряются в саду и огороде, чтобы сберечь три шиллинга – часовую оплату старого Первиса. Нанимают неумелых девчонок помогать Марте. Все это особо его не смущало, зато служило доказательством, что он, Стивен Макси, стал преемником своего отца, так же как тот стал преемником своего. Если бы можно было наслаждаться красотой и покоем Мартингейла, не обременяя себя чувством долга и ответственности!

На лестнице слышались медленные, осторожные шаги, потом в дверь постучали. Пришла Марта с вечерним горячим молоком. Когда Стивен был маленьким, старая няня решила, что горячее молоко на ночь избавит от кошмарных снов – они с Деборой какое-то время, впрочем совсем недолго, очень от них страдали. Потом кошмары сменились более ощутимыми отроческими страхами, но горячее молоко так и вошло в привычку. Марта вслед за своей сестрой твердо верила, что от ночных – настоящих и воображаемых – опасностей может защитить лишь одно-единственное средство. Она осторожно поставила маленький поднос с чашкой

из веджвудского фарфора, из которой пила Дебора, и старой кружкой, изготовленной ко дню коронации Георга V, которую Стивену купил еще дед.

– Принесла вам еще овалтин³, – сказала Марта. – Я так и подумала, что вы здесь.

Она говорила приглушенным голосом, точно заговорщица. Стивен забеспокоился – вдруг она угадала, что речь шла о Кэтрин? Точно как с их старой милой нянькой – та приносила питье на ночь и охотно задерживалась поболтать. Нет, так, да не совсем. Марта, конечно, преданная, но зажатая, с ней труднее. Это подделка, не то простое чувство, которым дышишь, как воздухом. Памятуя об этом, тем не менее он счел, что Марта заслужила похвалы.

– Дивный ужин был, Марта, – сказал он.

Дебора отвернулась от окна, обвила пальцами с алыми ногтями кружку с дымящимся молоком.

– Жаль, что разговоры, которые велись за столом, были намного хуже вашей стряпни. Мисс Лидделл прочитала нам лекцию о социальных последствиях нарушения закона. Как вам Салли, Марта?

Стивену этот вопрос показался глупым. Что это с Деборой?

– Вроде неплохая девушка, – сказала Марта, – но рано еще судить, конечно. Мисс Лидделл ее нахваливала.

³ Фирменное название порошка для приготовления шоколадно-молочного напитка.

– По словам мисс Лидделл, – сказала Дебора, – Салли – воплощение всех добродетелей, за одним исключением, но и оно оплошность природы, которая в темноте не разобралась, что девица окончила классическую школу.

К удивлению Стивена, в голосе сестры зазвенели горькие ноты.

– Не думаю, что все эти науки так уж нужны горничной. – Марта давала понять, что она прекрасно обходится и без них. – Надеюсь, она понимает, как ей повезло. Мэм даже отдала ей колыбель, в которой вы оба спали.

– Теперь же мы в ней не спим. – Стивен старался говорить как можно менее раздраженно. Господи, ну сколько можно обсуждать эту Салли Джапп! Но зря он Марту остановил. Такое впечатление, что осквернили не колыбель, а лично ее, Марту.

– Мы ведь ее берегли, доктор Стивен. Для внуков берегли.

– Черт побери! – сказала Дебора. Она вытерла пальцы, закапанные молоком, и поставила кружку на поднос. – Нечего внуков считать, пока их нет. Лично я не собираюсь открывать счет, а Стивен даже не помолвлен – не то что собирается обзаводиться детишками. Не исключено, что он женится на грудастой практичной санитарке, которая предпочтет купить новенькую, стерильную кровать на Оксфорд-стрит. Спасибо, Марта, дорогая, за молоко. – Дебора улыбнулась: эти слова означали, что Марте пора уходить.

Они обменялись пожеланиями на сон грядущий, и Мар-

та осторожно прошаркала вниз по лестнице. Когда ее шаги стихли, Стивен сказал:

– Бедняжка Марта. Мы привыкли к ней, принимаем все как должное, а ведь на ней весь дом, ей трудно. По-моему, пора нам подумать, как ее отпустить и выплачивать ей пенсию.

– С чего это? – Дебора стояла у окна.

– По крайней мере сейчас у нее есть хоть какая-то помощница, – начал уступать Стивен.

– Хоть бы Салли не мешала ей. Мисс Лидделл сказала, что ребенок просто на удивление спокоен. Но если младенец не пищит из трех ночей две, он уже хорош. Да к тому же пеленки. Вряд ли от нее много толку, если каждое утро ей приходится стирать пеленки.

– Но ведь все матери стирают пеленки, – сказал Стивен, – и тем не менее находят время для другой работы. Мне нравится эта девушка, вот увидишь, она будет Марте подспорьем, если ее оставят в покое.

– Смотри, какой рьяный заступник нашелся! Жаль только, что ты будешь торчать в своей больнице, когда начнутся неприятности.

– Какие еще неприятности? Что с вами со всеми происходит? С чего вы взяли, что Салли доставит вам неприятности? Дебора направилась к дверям.

– Потому что, – сказала она, – она уже их доставляет, не так ли? Спокойной ночи.

Глава вторая

1

Несмотря на столь нескладное начало, первые недели пребывания Салли Джапп в Мартингейле прошли прекрасно. Придерживалась ли она того же мнения – неизвестно. Да никто и не спрашивал ее об этом. В деревне единодушно решили, что она везучая. Может, она и не испытывала должной благодарности, что частенько случается с баловнями судьбы, но ей удавалось скрыть свое равнодушие под маской кротости, почтительности и готовности учиться, а большинство людей с радостью принимают это за чистую монету. Но Мар-ту Балтитафт было не обмануть, да и семейство Макси тоже вряд ли бы попало на удочку. Но они были слишком заняты собственными проблемами и слишком обрадовались тому, что нежданно-негаданно забот по дому стало меньше; вот и не заметили, что беда у ворот.

Марте пришлось согласиться, что первое время малыша не было слышно. Она объясняла этот факт твердыми правилами, установленными в приюте мисс Лидделл, потому как в голове у нее не укладывалось, что девицы дурного поведения могут быть отличными мамами. Первые два месяца Джеймс был спокойным, довольствовался тем, что его

кормили в положенное время, не возмущал слишком громко о том, что проголодался, а в перерывах между кормлениями спал, пребывая в млечном благодушии. Но это не могло длиться бесконечно. С наступлением эры, как говорила Салли, «смешанного питания» Марта прибавила к своим претензиям еще несколько существенных жалоб. На кухне, казалось, все было подчинено Салли. Джимми на всех парах мчался к тому периоду детства, когда еда становится не столько приятной необходимостью, сколько возможностью проявить свой норв. Он выгибал дугой крепкую спину в высоком стуле, на который его водружали, подоткнув для надежности со всех сторон подушками, – выгибался, неистово сопротивляясь, пуская молочные пузыри и выплевывая овсяную кашу сквозь стиснутые губы в знак тотального отрицания, а потом вдруг уступал, становясь прелестным, невинным и послушным. Салли со смехом покрикивала на него, в приливе нежности тискала, ласкала и целовала, не обращая внимания на то, как Марта неодобрительно бурчит что-то. Малыш, с шапкой мелких кудряшек, орлиным носиком, почти не видным из-за пухлых, алых и наливных, как яблоки, щек, казалось, подчинил себе все на кухне Марты, точно коронованный, властный, миниатюрный цезарь. Салли по долгу играла с ребенком, и Марта частенько наблюдала по утрам такую картинку: светловолосая голова Салли склонилась над малышом, потом вдруг над ней появляется толстая ножка или ручка – знак того, что долгие часы сна Джимми

канули в Лету. Сомнений не было – он становился все при-
вередливее. Пока что Салли удавалось справляться с пору-
ченной ей работой, удовлетворяя требования как сына, так
и Марты. Миссис Макси иногда интересовалась, не слишком
ли перегружена Салли, и тотчас же успокаивалась, получив
ответ. Дебора ничего не замечала, а если и замечала, то хра-
нила молчание. Как бы то ни было, понять, переутомляется
Салли или нет, было трудно. Ее всегда бледное личико под
тяжелой копной волос и тонкие, точно ломкие веточки, руки
делали ее на вид слабой и немощной, но Марта считала это
впечатление крайне обманчивым.

– Крепкий орешек и хитра, как стадо обезьян. – Таков был
ее приговор.

Весна потихоньку сменилась летом. Яркой листвой зазе-
ленели копьевидные буки, залив узорчатой тенью дороги.
Священник встретил Пасху, как всегда, праздничной тре-
бой – себе на радость, а паства, как обычно, покритикова-
ла его за убранство церкви – слишком скромно. Мисс Пол-
лак из приюта Святой Марии мучилась бессонницей, док-
тор Эппс прописал ей лекарство, а две воспитанницы при-
юта собрались замуж за малосимпатичных, но явно раска-
явшихся отцов своих младенцев. Мисс Лидделл приняла на
их место еще двух согрешивших матерей. Сэм Боукок раз-
рекламировал своих лошадей в пригороде Чадфлита, и, к его
удивлению, много парней и девиц в новехоньких огромных
галифе и ярко-желтых перчатках заявили о своей готовно-

сти платить по семь шиллингов шесть пенсов в час за то, что станут ездить верхом по деревне под его руководством. Саймон Макси лежал в своей узкой постели, состояние его не менялось. Стали длиннее вечера, зацвели розы. Сад в Мартингейле наполнился их ароматом. Когда Дебора срезала цветы, чтобы поставить в доме, ей казалось, что сад и Мартингейл словно чего-то ждут. Дом летом всегда становился особенно красив, но нынче она чувствовала: он будто затаился, быть может, в ожидании чего-то неприятного, чуждого его прохладной безмятежности. Неся розы в дом, Дебора постаралась освободиться от этого странного наваждения, сказав себе, что самое страшное, что предстоит Мартингейлу, – это ежегодный церковный праздник. В голове вдруг мелькнули слова: «Смерть на пороге», но она одернула себя – отцу ведь не стало хуже, может быть, даже немного лучше, дом не может не знать. Она понимала, что любовь ее к Мартингейлу не поддается разуму, иногда она пыталась охладить эту свою привязанность, твердила себе, что наступит время – и «нам придется его продать», словно сам звук слов мог служить охранной грамотой, талисманом.

Ежегодно в июле в Мартингейле церковь Святого Седа⁴ устраивала праздник своего святого, еще со времен прапрадеда Стивена. Проводил его комитет, в который входил

⁴ *Сокр.* от Седраха. См. притчу о трех отроках – Седрахе, Микахе и Авденаго, – товарищах пророка Даниила: «И даровал Бог четверем сим отрокам знание и разумение всякой книги и мудрости, Даниилу еще даровал разуметь всякие видения и сны» (Книга пророка Даниила, 1:17).

ли викарий, миссис Макси, доктор Эппс и мисс Лидделл. Их административные обязанности никогда не были слишком сложными, поскольку праздник, как и церковь, для поддержания которой его и устраивали, оставался неизменным из года в год — символ незыблемости среди хаоса. Но члены комитета относились к своей миссии весьма серьезно и в июне — начале июля частенько встречались в Мартингейле, чтобы в саду за чашкой чаю принять решения, которые они уже принимали в прошлом году, слово в слово, в том же самом приятном окружении. Единственный человек в этом комитете, кто действительно болел за дело душой, был викарий. Человек мягкий и добрый, он стремился в каждом увидеть его самые лучшие качества, при каждом удобном случае приписать ему благородные порывы. Он посвятил свою жизнь этому поиску, с самого начала уразумев, что благотворительность — в равной мере политика и добродетель. Но раз в год мистеру Хинксу приходилось сталкиваться с некоторыми неприятными фактами, касающимися его церкви. Его волновало, что праздник этот взбудоражит, окажет отрицательное действие на суматошных жителей пригорода Чадфлита, боялся, что он станет скорее социальным, чем духовным событием. Он предложил начать и закончить праздник молитвой и гимном, но это нововведение поддержал единственный член комитета, миссис Макси, больше всего опасавшаяся, что он затянется до бесконечности.

В этом году миссис Макси будет помогать услужливая

Салли. Охотников участвовать в празднике была уйма, хотя некоторые из них норовили извлечь из него максимум удовольствия, приложив минимум энергии, но хлопоты не ограничивались успешной организацией самого праздника. Большинство членов комитета непременно будут приглашены на ужин в Мартингейл; Кэтрин Бауэрз сообщила письмом, что в субботу, на которую приходится праздник, у нее выходной, и интересовалась, не будет ли с ее стороны бесцеремонностью, если она приедет на «один из ваших прелестных уик-эндов, чтобы побыть вдали от грохота и пыли жуткого города». Письмо подобного рода не было первым. Кэтрин всегда больше рвалась к детям, чем дети – к Кэтрин. При других обстоятельствах ничего особенного в этом и не было бы. Только Стивену эта встреча совсем ни к чему, тем более что бедняжка Кейти спала и видела, как бы поудачнее пристроить замуж свою единственную дочку. Сама-то она вступила, как считалось, в неравный брак. Кристиан Бауэрз был художником – таланта у него было больше, чем денег, и никаких претензий, кроме как на гениальность. Миссис Макси он сразу же не понравился, но в отличие от его супруги она поверила в его талант. И купила для Мартингейла одно из его ранних полотен с лежащей обнаженной женщиной, оно висит теперь у нее в спальне и доставляет ей наслаждение, вот она и расплачивается за него сердечным гостеприимством, которое она оказывает время от времени его дочери. Для миссис Макси полотно это служило наглядным

примером безрассудства неудачного брака. Но поскольку радость, которую она получала, любуясь им, не угасала и поскольку когда-то она училась вместе с Кейти Бауэрз в одной школе и дорожила старой дружбой, она понимала, что Кэтрин следует пригласить в Мартингейл если не для ее детей, то для нее самой.

Но ее беспокоили другие обстоятельства. Миссис Макси не придавала особого значения так называемой общей атмосфере. Она сохраняла невозмутимость, руководствуясь здравым смыслом, обращая внимание на те трудности, которые были слишком явными, чтобы их не замечать, и не замечала все прочие.

То, что происходило в Мартингейле, невозможно было не видеть. Конечно, некоторых событий следовало ожидать. Миссис Макси, при всей своей невозмутимости, не могла не понимать, что Марта и Салли с трудом уживаются на кухне. И что временами Марте бывает несладко. Но чего она никак не ожидала, так это того, что по прошествии нескольких недель ситуация станет просто невыносимой. После длинной вереницы необученных и необразованных горничных, которые нанимались в Мартингейл, потому что другого выхода у них не было, Салли являла собой образец сообразительности, ловкости и изящества. Ей можно было отдавать распоряжения с полной уверенностью, что они будут выполнены, тогда как другим приходилось вдалбливать до головной боли, и пока наконец те соображали, чего от них ждут, самой

легче было все сделать.

Не нуждайся Саймон Макси в круглосуточном уходе, на Мартингейл, наверное, снизошло бы ощущение блаженно-го безделья, как в довоенную бытность. Доктор Эппс предупредил, что долго они не выдержат, надо будет или сиделку приглашать, или положить его в больницу. Миссис Макси отвергла оба варианта. Первый – очень дорого обойдется, сиделка всех стеснит, да и неизвестно, на сколько времени она понадобится. Второй означал, что Саймон Макси обречен встретить смерть на чужих руках, а не в стенах родного дома. Частная больница или отдельная палата семье не по карману. Значит, речь идет о койке в местной больнице для хроников, в здании барачного типа, где палаты переполнены, а медперсонала не хватает. Еще до начала финишной прямой Саймон Макси спросил у нее однажды шепотом:

– Ты не позволишь им меня забрать, Элеонора?

– Конечно же, нет, – ответила она.

И он заснул, заручившись ее обещанием, которое, они оба понимали это, выполнить будет непросто. Жаль, что Марта забыла, как она надрывалась до появления Салли. Теперь-то у нее есть время и силы критиковать помощь, которую она с такой готовностью согласилась принять. Но она перешла в открытое наступление. Раньше втихомолку злилась, а ворчать вслух себе не позволяла. Обстановка на кухне накалилась, думала миссис Макси, после праздника надо будет навести порядок. Но пока она не торопилась, до праздника

оставалась всего неделя, ее главной заботой было, чтобы он удался.

2

В четверг перед праздником Дебора отправилась в Лондон за покупками, перекусила с Феликсом Герном у него в клубе и пошла с ним на Бейкер-стрит на дневной сеанс посмотреть фильм Хичкока. Эта приятная программа закончилась чаем в ресторане «Мейфэр», славящемся отличной кухней. Уплетая сэндвичи с огурцами и фирменные шоколадные эклеры, Дебора думала: день получился шикарный, хоть вкусы у Феликса пошловаты. Но он держался просто великолепно. В том, что не заводишь с мужчиной роман, есть свои преимущества. Если бы они были любовниками, пришлось бы тащиться к нему домой в Гринвич, — он бы не упустил случая, любовная связь накладывает точно такие же жесткие и неукоснительные обязательства, как и брачный союз.

Заниматься любовью, что и говорить, дело приятное, но ей было больше по вкусу легкое, ни к чему не обязывающее общение, которым они сейчас наслаждались.

Не хотела она снова влюбляться. Месяцы сокрушительных страданий и отчаяния вылечили ее от этого наваждения. Она рано вышла замуж, и не прошло года, как Эдвард Рискоу умер от полиомиелита. Теперь же надежным фундаментом жизни она полагала брак, строящийся на дружеских

отношениях, общих взглядах и сексе, который доставлял бы радость обоим, к тому же считала, что выходить замуж надо так, чтобы не слишком много тратить на эту затею душевных сил. Феликс, она подозревала, был влюблен в нее – настолько влюблен, что с ним было интересно, но он не докучал своей страстью, и она лишь изредка всерьез задумывалась над надвигающимся на нее предложением руки и сердца. Даже странно, что он до сих пор не сделал его. Нет, он не избегал женщин, она знала это. Почти все считают его убежденным холостяком, чудаковатым, немного педантом и бесконечно забавным. Они могли бы позволить себе и более резкие замечания, но за ним – его военное прошлое, и со счетов это не сбросишь. Мужчина не может быть неженкой или дураком, раз у него французские и английские награды за участие в Сопротивлении. Он был среди тех, чье мужество, эту самую почитаемую и самую славную добродетель, испытывали в застенках гестапо. И больше не надо было подвергать его проверке. Сейчас вроде бы не принято думать об этом, но начисто его прошлое не вычеркнуть из памяти. Никто не знал, что делал Феликс Герн во Франции, но ему прощались его чудаковатые привычки, а он, судя по всему, получал от них удовольствие. Он нравился Деборе, был умным, забавным и отчаянным сплетником. Его, точно женщину, интересовали все перемены, все события, он до тонкостей разбирался в человеческих отношениях. Самые заурядные житейские мелочи ему были интересны, вот и сейчас он слушал

рассказ Деборы о Мартингейле и живо реагировал на каждое ее слово.

– Так что сами понимаете, какое блаженство для меня немного передохнуть, но уверена, долго оно не продлится. У Марты скоро лопнет терпение. Я ее не виню. Она терпеть не может Салли, да и я тоже.

– Почему? Салли сделала ставку на Стивена?

– Не говорите пошлостей, Феликс. Неужели, по-вашему, я могу опуститься до ревности к прислуге? Хотя, судя по всему, он действительно ей нравится, и она идет на разные хитрости. Всякий раз, когда Стивен приезжает, она обращается к нему за советами насчет ребенка, хотя я старалась втолковать ей, что он хирург, а не детский врач. А бедняжка Марта слова не может сказать о Стивене – Салли тут же бросается его защищать. Сами убедитесь в субботу.

– А кто еще будет, кроме интриганки Салли Джапп?

– Конечно же, Стивен. И Кэтрин Бауэрз. Вы ведь познакомились с ней в ваш последний приезд в Мартингейл.

– Да, конечно. Глаза навывкате, но личико смазливенькое и умненькое, она умнее, чем вам со Стивеном хотелось бы думать.

– Если она произвела на вас такое неизгладимое впечатление, – парировала Дебора весело, – у вас есть шанс в этот свой приезд выразить ей свое восхищение, а Стивену устроить отставку. Он переусердствовал с ней, и теперь она липнет к нему, а ему это уже осточертело.

– Невероятно, до чего хорошенькие женщины бывают жестоки, когда хотят кого-то унижить! А под «переусердствовал» вы имеете в виду, что он соблазнил ее? Да, как правило, это ведет к осложнениям, но он сам должен найти выход из положения, как это сделал его более везучий предшественник. Я все равно приеду. Я люблю Мартингейл и ценю хорошую кухню. К тому же есть у меня подозрение, что нас ждет в эти выходные сюрприз. Дом, переполненный ненавидящими друг друга людьми, грозит взорваться.

– Что вы, положение не столь катастрофично!

– Но на грани того. Стивен не выносит меня. Он не удосуживается даже это скрывать. Вы не выносите Кэтрин Бауэрз. Она не выносит вас и, не исключено, эти же чувства испытывает и ко мне. Марта и вы не выносите Салли Джапп, а она, бедняжка, не исключено, проклинает вас всех. И это трогательное существо, мисс Лидделл, будет там, а ее ненавидит ваша матушка. Предстоит шабаш подавляемых страстей.

– Можете не приезжать. Будет даже лучше, если вы не приедете.

– Но, Дебора, ваша матушка уже пригласила меня, и я принял приглашение. Я послал ей на прошлой неделе в высшей степени учтивое письмо, – знаете, как я умею, – и сейчас помечу в своей черной записной книжке, что дело это одно из самых важных.

И он наклонил гладкую светловолосую голову над записной книжкой. Его бледное лицо, такое бледное, что линия

лба, где начинались волосы, была почти невидимой, было повернуто к ней профилем. Она отметила, как выделяются на бледном лбу брови и сетки морщин вокруг глаз. Должно быть, у него были красивые руки, подумала Дебора, до того, как гестапо поиграло с ними. Ногти с тех пор не росли. Она попыталась представить себе, как эти руки двигаются по прикладу ружья, держатся за узлы парашюта, сжимаются в кулаки, когда он сопротивляется или упорствует. Не получилось. Казалось, не осталось ничего общего у Феликса, пострадавшего за дело, которому верил, с этим уступчивым, искушенным, язвительным Феликсом Герном из семьи издателей Гернов и Иллингвортов, так же как не было ничего общего между девчонкой, вышедшей замуж за Эдварда Рискоу, и той женщиной, какой она теперь стала. Внезапно на Дебору снова накатила ее *malaise*⁵ – тоска и печаль. Она с тоской наблюдала, как Феликс записывает на субботу предстоящее свидание своей изуродованной рукой, ровным почерком, точно назначает свидание со смертью.

3

После чая Дебора решила навестить Стивена, отчасти потому, что не хотела ехать домой в час пик, но, главное, потому, что она почти всегда во время своих приездов в Лондон

⁵ Болезнь (*фр.*).

посещала больницу Святого Луки. Она предложила Феликсу составить ей компанию, но он отказался, объяснив, что от запахов лекарства ему становится плохо, и посадил ее в такси, как всегда рассыпавшись в благодарностях за встречу. Он был педантично постоянен в этом. Дебора торопилась отделаться от малоприятных подозрений, что его утомила ее болтовня; слава богу, наконец-то она едет – машина удобная, быстрая, она повидает Стивена. К ее огорчению, в больнице его не оказалось. Не похоже на него. Колли, дежурный по вестибюлю, сказал, что мистеру Макси позвонили и он вышел с кем-то повстречаться, предупредив, что отлучается ненадолго. Его заменяет сейчас доктор Донвелл. Мистер Макси скоро должен вернуться. Его нет почти уже час. Может, миссис Рискоу пойдет в ординаторскую?

Дебора поболтала немного с Колли, которому симпатизировала, и поехала в лифте на четвертый этаж. Мистер Донвелл, робкий прыщеватый молодой регистратор, пробормотал слова приветствия и тут же ретировался в палаты, оставив Дебору наедине с четырьмя грязными креслами, неаккуратной кипой медицинских газет и не убранной после чая посудой. Похоже, они снова ели швейцарские булочки и, как обычно, под пепельницу пустили блюдце. Дебора начала было собирать тарелки, но, сообразив, что занятие это пустое, ведь она не знает, куда их девать, взяла газету и подошла к окну, решив возле него поджидать Стивена и почитать что-нибудь интересное и доступное из медицинских статей. Из

окна были видны центральный вход в больницу и улица, ведущая к ней. Вдали блестела излучина реки и высились башни Вестминстера. Непрерывный гул машин, здесь не такой навязчивый, служил приглушенным фоном больничных звуков – хлопали дверью лифта, звонили телефоны, кто-то торопливо шел по коридору. К входным дверям поликлиники вели пожилую женщину. С высоты четвертого этажа фигуры внизу казались укороченными. Дверь в поликлинику беззвучно закрылась и так же беззвучно открылась. И вдруг она увидела их. Сначала – Стивена, потом огненно-рыжую голову на уровне его плеча. Она не могла ошибиться. Они остановились возле угла здания. Похоже, разговаривали. Темноволосая голова наклонилась к рыжей. Минуту спустя они попрощались за руку, потом Салли повернулась в сиянии солнечных лучей и быстро двинулась прочь, даже не оглянувшись. Дебора ничего не упустила. На Салли был серый костюм. Ширпотреб, конечно, небось на распродаже купила, но сидит на ней превосходно и прекрасно оттеняет сияющий каскад волос, свободных от наколки и шпилек.

Она не глупа, думала Дебора. Соображает, что надо носить скромное платье, если хочешь так распустить волосы. Соображает, что не надо носить зеленое, как большинство рыжих делает. Соображает, что лучше попрощаться, не заходя в больницу, отказавшись от приглашения на ужин, во время которого непременно получится какая-нибудь накладка. Потом Дебора удивлялась, как это она запомнила, во что

Салли была одета. словно впервые глянула на нее глазами Стивена, и увиденное напугало ее. Вечность прошла, пока она услышала стук дверцы лифта и его быстрые шаги по коридору. И вот он рядом. Она не отошла от окна, пусть знает, что она их видела. Ужасно, если он ей ничего не объяснит, даже хорошо, что так все вышло. Она не знала, каких ждет от него объяснений, но его слова поразили ее.

– Ты видела это раньше? – спросил он.

На его протянутой ладони лежал мешочек, сделанный из мужского носового платка, углы которого были завязаны в узел. Он высвободил один уголок, встряхнул, из мешочка высыпались три-четыре крошечные таблетки. Серо-коричневые, не спутаешь ни с чем.

– Это папины таблетки? – Такое впечатление, что он ее в чем-то обвиняет. – Откуда они у тебя?

– Салли нашла и принесла мне. Наверно, ты нас видела из окна.

– Кому она ребенка пристроила? – Глупый, не относящийся к делу вопрос вырвался раньше, чем она успела подумать.

– Ребенка? Ах, Джимми! Не знаю. Оставила у кого-нибудь в деревне, или с мамой, или с Мартой. Она приехала показать мне таблетки, позвонила с Ливерпул-стрит и попросила о встрече. Нашла их в постели отца.

– Как это в постели?

– Под матрасом. Внизу, сбоку. У него сбилась простыня, она стала ее расправлять, тут и заметила маленький сверток

в углу. Отец, наверно, несколько недель их собирал, а может, и месяцев. Догадываюсь о причине.

– Он знает, что она их нашла?

– Салли думает, что не знает. Он лежал на боку, спиной к ней, пока она поправляла постель. Она положила платок с таблетками в карман и продолжала свое дело как ни в чем не бывало. Конечно, они могли там давным-давно лежать, он ведь на снотворных уже полтора года, а то и больше, не исключено, что он забыл о них. Может, он потерял даже силы и желание пить их. Мы же не знаем, что у него на уме. Беда в том, что не хотим даже попытаться узнать. Исключение составляет Салли.

– Стивен, это неправда! Мы пытаемся. Мы сидим с ним, ухаживаем за ним, делаем все, чтобы он чувствовал, что мы рядом. Но он лежит без движения, ничего не говорит, похоже, не замечает никого. Это уже не отец. Контакт с ним потерян. Я пыталась, клянусь, пыталась, но бесполезно. Нет, он этого не сделает! Не представляю, как он собрал их, как решился на такое.

– Когда ты даешь ему их, ты следишь, проглотил ли их он?

– Нет, по-настоящему не слежу. Ты же знаешь, как он злится, если мы надоедаем ему со своей опекой. А теперь уж и не пойму, раздражает его или нет, но мы даем ему таблетку, потом наливаем воду и подносим к губам. Должно быть, он спрятал их несколько месяцев назад. Не поверю, что он в состоянии сделать это сейчас. Марта бы заметила. Она ча-

ще всех к нему поднимается, и самое тяжелое на ней.

– Значит, ему удалось обмануть Марту. Господи, Дебора, как я не догадался, ведь я считаю себя врачом. Гробовщик я, и только, гожусь лишь на то, чтобы обмерять своих клиентов, коль скоро не в состоянии видеть в своих пациентах живых людей. А для Салли он все еще живой человек.

Дебора не удержалась и тут же парировала – как раз они-то с мамой и Мартой стараются, чтобы Саймону Макси было удобно, чисто и сытно, им это немало стоит, а вот какие такие заслуги у Салли – ей непонятно. Но уж если Стивен начинает бить себя в грудь, его не остановишь. Ему потом на душе легче делается, даже если окружающим мало удовольствия выслушивать его монологи. Она молча наблюдала, как он нашарил в ящике стола пузырек из-под аспирина, тщательно пересчитал таблетки, их было десять, бросил в пузырек, сделал на нем наклейку, записав название препарата и дозу приема. Все это он проделал автоматически, как человек, привыкший, чтобы лекарство не оставалось без наклейки. На языке у Деборы вертелись вопросы, которые она не решалась задать: «Почему Салли пришла к тебе? Почему не к маме? Она действительно нашла эти таблетки или же просто придумала удобный предлог повидаться с тобой наедине? Нет, должно быть, она нашла их. Такое ведь не придумаешь. Бедный отец! Что Салли сказала? Какое мне дело до всего этого и до Салли? Я ненавижу ее, потому что у нее есть ребенок, а у меня нет. Наконец я решилась сказать это,

но от того, что я призналась, мне не легче. Этот мешочек из носового платка. Сколько же времени ему пришлось потратить, чтобы завязать его! Такое впечатление, будто его ребенок делал. Бедный отец! Когда я была маленькой, он был таким высоким! Неужели я боялась его? Господи, ну почему я не испытываю к нему никакой жалости?! Как мне хочется пожалеть его. Интересно, о чем сейчас думает Салли? Что ей сказал Стивен?»

Он отвернулся от стола и протянул пузырек:

– Возьми домой. Поставишь в его аптечку. Не говори пока ничего маме и доктору Эппсу. По-моему, разумнее будет отменить таблетки. Сейчас я возьму в аптеке другое лекарство, то же самое, только в растворе, а не в таблетках. Перед сном – одну чайную ложку, с водой. Я сам прослежу. Просто скажешь Марте, что я отменил таблетки. Когда к нему придет доктор Эппс?

– Придет вечером к маме с мисс Лидделл. Наверно, поднимется к отцу. Но не думаю, что он о них спросит. Ведь отец их принимает уже очень давно. Когда они кончаются, доктор дает новую порцию.

– А может быть, ты знаешь, сколько сейчас таблеток дома?

– Есть новый пузырек, еще не распечатанный. Мы должны были открыть его сегодня вечером.

– Оставь его в аптечке, а ему дай в растворе. Я переговорю с Эппи в субботу. Приеду завтра поздно вечером. Пойдем-ка со мной в аптеку, и отправляйся домой. Я позвоню Марте,

попрошу ее оставить тебе ужин.

– Хорошо, Стивен. – Дебора не огорчилась, что не остается на ужин в больнице. Радостное настроение дня улетучилось. Пора возвращаться домой.

– И я посоветовал бы тебе ничего не говорить Салли.

– У меня и в мыслях не было. Надеюсь, она тоже попридержит язык. Не хотелось бы, чтобы это обсуждала вся деревня.

– Ну зачем ты так, Дебора, ты ведь сама не веришь, что Салли кому-то скажет. На нее можно положиться. Она приняла случившееся близко к сердцу. Очень даже.

– Не сомневаюсь.

– Не на шутку переполошилась. Она очень предана отцу.

– Эту преданность она перенесла и на тебя.

– О господи, что ты хочешь сказать?

– Просто мне интересно, почему она не рассказала о таблетках маме или мне.

– Ты не очень-то располагаешь к откровенности, во всяком случае, ее, не так ли?

– А чего ты, собственно, ждешь от меня? Чтобы я стала ее подругой? Пока она выполняет свою работу добросовестно, я и не думаю о ней. Она мне не нравится; думаю, и я ей.

– Она тебе не просто не нравится, – сказал Стивен. – Ты ненавидишь ее.

– Она жаловалась тебе?

– Конечно, нет. Будь великодушна, Дебора. Тебя словно

подменили.

«Подменили, – подумала Дебора. – Да откуда ты знаешь, какая я на самом деле?» Но в последних словах Стивена звучал призыв к миру, и она протянула ему руку:

– Прости. Не знаю, что со мной в последнее время. Уверена, Салли поступила так, решив, что это самое мудрое решение. Не стоит нам ссориться. Так, значит, тебя ждать завтра вечером? Феликс может приехать только в субботу утром, а Кэтрин ждут к ужину.

– Не волнуйся. Я приеду последним автобусом. Мы покажемся на лошадях до завтрака, если согласишься составить тебе компанию.

Хотя их прогулки давно стали приятной привычкой, официальный тон, с каким он сделал это предложение, не остался незамеченным Деборой. Слишком шаткий мостик переброшен через пропасть между ними. Стивен тоже, Дебора догадывалась, чувствовал, что под ногами хрустывают льдинки. Никогда с момента смерти Эдварда Рискоу Стивен не был таким чужим, и никогда он не был ей так нужен.

4

Наконец около половины восьмого Марта услышала скрип колес коляски Джимми на подъездной аллее. Она давно уже прислушивалась. Джимми тихонько ныл, лишь мерное покачивание коляски и мамины уговоры удерживали его

от воплей.

Скоро в окне мелькнула Салли, подкатила коляску к кухне и тотчас появилась в дверях с малышом. Девушка с трудом скрывала переполнявшие ее чувства. Она была возбуждена, но, судя по всему, довольна собой. Вряд ли она так ликует из-за того, что Джимми прокатился лесной тропой, подумала Марта.

– Что-то поздно ты, – сказала Марта. – Ребенок небось проголодался, бедняжка.

– Но ему не придется больше ждать, верно, дорогуша? Молоко, наверно, вскипятили?

– Заруби себе на носу, Салли, я здесь не для того, чтобы ждать, когда ты явишься. Тебе нужно молоко, сама и кипятить. Прекрасно знаешь, когда надо кормить ребенка.

На том и замолчали; Салли вскипятила молоко и торопилась его остудить, держа Джимми на руках. Только когда Салли собралась нести малыша наверх, Марта заговорила.

– Салли, – сказала она, – ты что-нибудь брала из постели хозяина, когда застилала ее утром? Что-нибудь из его вещей? Говори правду!

– По вашему тону ясно, что вы все знаете. Неужели вы знали про те таблетки? И молчали?

– Конечно, знала. Я ведь ему пять лет прислуживаю. Кому ж еще, как не мне, знать, что он делает и что у него на уме? Небось решила, что он может их выпить. Не волнуйся. Не смей свой нос совать. Доведись тебе лежать вот так, го-

дами, в постели, может, и тебе было бы утешением, что у тебя кое-что припрятано, скажем, несколько таблеток, которые избавят тебя от страданий. Припрятано кое-что, о чем никто и не подозревает, пока какая-нибудь дура набитая, сучка, да и только, другим словом не назовешь, не пронюхает. Уж такая умная, дальше некуда! Да он и не стал бы их принимать. Он джентльмен! Тебе и этого не понять. Верни-ка мне лучше таблетки. А если хоть кому проболтаешься или притронешься к его вещам, я тебя в два счета выставлю. Тебя и это отродье. Уж я найду способ, будь уверена!

Она протянула руку к Салли. Голоса она ни разу не подняла, но ее спокойная уверенность еще больше пугала, чем гнев, и в голосе Салли, когда она отвечала, дрожали истерические нотки.

– Боюсь, вас ждет неудача. Нет у меня таблеток. Сегодня днем я отдала их Стивену. Да, Стивену! Слушаю, что вы мелете, и радуюсь, что отдала их. Хотела бы я посмотреть на Стивена, когда он узнает, что вы все давным-давно знали. Дорогая, преданная старушка Марта! Такая преданная семейству Макси! Да плевать вы хотели на всех их, вместе взятых, старая лицемерка, разве что для хозяина сделали исключение. Посмотрели бы на себя со стороны! Моет его, ласкает, кудахчет над ним, точно над ребенком. Я от смеха готова лопнуть, только уж больно жалкое зрелище. Срамотища! Его счастье, что у него крыша поехала. Да любой бы свихнулся, окажись у вас в лапах!

Она ушла, прижав малыша к бедру; Марта услышала, как грохнула дверь.

Она наклонилась над раковиной, вцепилась в нее дрожащими пальцами. Ее сотряс внезапный приступ рвоты, но легче от этого ей не стало. Она приложила руку ко лбу – привычный жест отчаяния. Посмотрела на пальцы, мокрые от рвоты. Она пыталась взять себя в руки, но в ушах звучал тонкий детский голосок: «Да любой бы свихнулся, окажись у вас в лапах... окажись у вас в лапах... окажись в лапах». Когда дрожь улеглась и тошнота прошла, ее охватила ненависть. Она начала строить коварные планы мести. Представляла, как Салли опозорена и ее с ребенком выгоняют из Мартингейла, раскусив ее – лживую, злую, порочную. Да чтоб она сдохла, эта Салли, мечтала Марта – а мечтать кто запретит?

Глава третья

1

Погода в последние недели все время менялась, разве что только снег не шел; а сейчас стала теплой, обычной для летней поры. Может, в день праздника будет сухо, а то и солнечно. Натягивая галифе – она собиралась на прогулку со Стивеном, – Дебора увидела из окна красные и белые палатки и разбросанные по лужайке не до конца еще сколоченные прилавки, которые предстояло украсить гофрированной бумагой и флажками. Чуть дальше на поляне уже обнесли площадку для детских спортивных соревнований и танцев. Под вязами установили старенькую машину с громкоговорителем, и змейки проволоки, выющиеся по дорожкам и цепляющиеся за деревья, свидетельствовали о попытках местных заядлых радиослушателей установить усилительную систему для музыки и разного рода объявлений. Дебора отдохнула за ночь и теперь стоически переносила эту суету. По опыту своему она уже знала – закончится праздник, и глазу предстанет совсем иное зрелище. Как бы люди ни старались вести себя аккуратно, – правда, многим доставляет удовольствие, когда вокруг коробки из-под сигарет, огрызки фруктов, – по меньшей мере неделю потом приходится пыхтеть, чтобы сад пе-

рестал казаться поруганным. Цепочки флажков, натянутые от одной зеленой стены к другой, и так уже придавали купе деревьев неподобающее легкомыслие, а грачи, к ужасу своему, оказались втянутыми в еще больший шум, чем обычная перебранка.

Кэтрин, когда она погружалась в мечтания о празднике в Мартингейле, больше всего хотелось помогать Стивену – она представляла, как он, окруженный цветом чадфлитского общества, людьми яркими, мыслящими и неравнодушными, выводит своих лошадей. У Кэтрин, конечно, были весьма колоритные, но явно устаревшие представления о роли и месте семейства Макси в чадфлитском обществе. Но эти радужные мечты разбились о непоколебимую убежденность миссис Макси, что ее гостям надлежит быть там, где они более всего нужны. А нужны они у прилавка с белым слоном. Когда Кэтрин пришла в себя от разочарования и обиды, к удивлению своему, она обнаружила, что ей и здесь очень интересно. Все утро она провозилась с товаром, сортировала, оценивала – ведь им все это добро продавать. Дебора точно знала, что почем и кто что купит, да оно и понятно – опыт немалый, к тому же почти все она сама раздобыла. Сэр Рейнольд Прайс пожертвовал большое ворсистое пальто с отстегивающейся водонепроницаемой подкладкой, которое она немедленно отложила в сторону, чтобы оно попало прямиком доктору Эппсу. Ему на зиму именно такое пальто нужно – ведь приходится мотаться в открытом автомобиле; когда ты за ру-

лем, кому какое дело, в чем ты. Еще там была старая фетровая шляпа, принадлежащая самому доктору, которую его помощник безуспешно пытался сбыть во время этих ежегодных распродаж, но она неотвратимо возвращалась к своему сердитому хозяину. Стоила она шесть пенсов и была выставлена на всеобщее обозрение. Были там также свитера ручной вязки сносшибательных рисунков и цветов, бронзовые безделушки и фарфор с каминных полок местных жителей, связки книг и журналов и потрясающая коллекция гравюр в тяжелых рамах, на тоненьких медных пластинках были выгравированы подходящие случаю названия. К примеру: «Первое любовное послание», «Любимица папочки», гравюры-близнецы, выполненные в весьма изысканной манере, под названием «Ссора» и «Примирение», а также несколько сценок, изображающих солдат: или целующих своих жен на прощание, или же предающихся более целомудренным радостям при новой встрече. Дебора предсказывала, что они будут пользоваться особым спросом, и объявила, что одни только рамки стоят полкроны каждая.

К часу дня все приготовления были закончены, домочадцы торопливо перекусили, прислуживала им Салли. Кэтрин вспомнила, что утром Марта сердилась: горничная проспала. Судя по разгоряченному виду, Салли пришлось попотеть, чтобы наверстать упущенное время; к тому же, подумала Кэтрин, она, видно, чем-то взволнована, хотя и старается выглядеть покорной и расторопной. Трапеза прошла до-

вольно мирно, поскольку всех объединяли общие хлопоты и при этом каждый был занят своим делом. В два часа приехали епископ с супругой, члены комитета сошли с веранды гостиной, сели, немного робея, в кружок на приготовленные для них стулья; так произошло официальное открытие праздника. Епископ был стар и уже не служил в церкви, но сенильным стариком пока еще не стал – его короткая речь представляла собой образец простоты и благородства. Слушая его приятный старческий голос, Кэтрин впервые подумала о церкви с интересом и теплом. Вон норманнская купель, около которой они со Стивеном будут стоять во время крещения детей. А в этих боковых приделах покоится прах его предков. Вот коленапреклоненные фигуры Стивена Макси и его жены Деборы, навеки застывшие в камне – лицом друг к другу, руки сложены в молитве. Там же выполненные в каноне бюсты других Макси шестнадцатого века и просто плиты, оповещающие о гибели сыновей на Галлиполи⁶ и на Марне⁷. Кэтрин часто думала о том, что погребения усопших членов семьи становились все менее пышными с тех пор, как церковь Святого Седа и Святой Марии в Чадфлите стала не столько местом паломничества, сколько личной усыпальницей останков Макси. Но сегодня, бу-

⁶ Галлиполийская операция (1915 г.) – высадка англо-французского десанта на Галлиполийский полуостров, окончившаяся поражением десанта.

⁷ Марнское сражение (1918 г.) – сражение между войсками Антанты и США и германскими войсками, окончилось поражением немцев, и инициатива окончательно перешла в руки союзников.

дучи в приподнятом настроении, преисполненная доверием ко всем, она думала о членах этой семьи, живых и мертвых, без тени насмешки, и даже барочный экран за алтарем и коринфский ордер⁸ она воспринимала как знаки особых заслуг Макси.

Дебора встала с Кэтрин за прилавок. Подходили покупатели, осторожно перебирали товары в поисках нужного, народу собралось уйма, дело спорилось. Доктор Эппс пораньше явился за своей шляпой, а его в два счета уговорили купить пальто сэра Рейнольда за один фунт. Белье и обувь буквально расхватали, Дебора точно угадала, кто что купит. Кэтрин отсчитывала сдачу, раскладывала на прилавке товары, извлеченные из большой коробки, которую они держали внизу. Люди маленькими группками входили через главные ворота, ребятишки натужно улыбались, потому что фотограф пообещал приз «ребенку, который выглядит самым счастливым», – бесплатный вход в вожаделенные ворота. Громкоговоритель превзошел все ожидания, из него яростным потоком лились марши и вальсы Штрауса, объявления касательно угощения и соревнований, советы пользоваться корзинками для мусора, чтобы не засорять сад. Мисс Лидделл и мисс Поллак с помощью самых невзрачных, самых старших и самых исполнительных из числа своих противных, непослушных девчонок метались от церкви Святой Марии

⁸ Один из видов архитектурной композиции, в классической архитектуре различается несколько ордеров, среди них – коринфский.

к саду и обратно, следуя зову совести и долгу службы. В их ларьке продавали очень дорогие товары, к примеру, ручной работы нижнее белье, ставшее жертвой странного компромисса привлекательности с благопристойностью. Викарий со взмокшими от волнения седыми волосами лучился радостью, лицезрея свою паству, которая наконец-то пришла в согласие со всем миром и друг с другом. Сэр Рейнольд, снисходительный, говорливый и великодушный, приехал попозже. С лужайки, где готовились к чаю, доносились озабоченные голоса – миссис Коуп и миссис Нельсон с помощью мальчиков из воскресной школы расставляли карточные столики, стулья из холла, расстилали скатерти, которым потом предстояло вернуться к своим хозяевам. Феликс Герн наслаждался ролью вольного стрелка. Раза два он предлагал свою помощь Деборе и Кэтрин, но не скрывал, что ему больше нравится с мисс Лидделл и мисс Поллак. Подошел Стивен, поинтересовался, как идут дела.

Для человека, который имел обыкновение называть этот праздник «проклятием семейства Макси», он выглядел вполне веселым. В начале пятого Дебора отправилась домой справиться, не нужно ли что папе, оставив Кэтрин командовать парадом. Приблизительно через полчаса Дебора вернулась и предложила пойти перекусить. Столы накрыли в палатке побольше; опоздавшим, предупредила Дебора, придется довольствоваться жидким чаем и малоаппетитным печеньем. Феликсу Герну, который подошел к ним поболтать

и оценить оставшийся товар, велено было встать к прилавку, а Дебора с Кэтрин пошли домой помыть руки. В холле все время кто-то был – то ли люди полагали, что таким путем сократят дорогу на распродажу, то ли, впервые оказавшись здесь, считали, что в стоимость входного билета включена и экскурсия по дому. Дебору, казалось, это вовсе не занимало.

– Боб Гиттингз, наш полицейский, засел в гостиной, – отметила она. – Столовая заперта. Всегда тут кто-нибудь ходит. Но еще никогда ничего не пропадало. Пойдем вон через ту дверь, в маленькую ванную комнату. Так быстрее.

Но все-таки когда с черной лестницы сбежал какой-то человек, торопливо извинившись перед ними, им это явно не понравилось. Девушки остановились, и Дебора окликнула его:

– Вы ищете кого-нибудь? Это ведь частный дом.

Он оглянулся на них – нервный, тощий мужчина с сидящими волосами, высоким лбом и узкими губами, которые он растянул в подобающей случаю улыбке.

– О, простите, я не придавал значения. Простите, бога ради. Я искал туалет.

Голос был не из приятных.

– Если вам нужен туалет, – сказала Дебора резко, – вы его в саду найдете. По-моему, там есть вполне заметный опознавательный знак.

Он вспыхнул, пробормотал что-то в ответ и исчез.

Дебора пожала плечами:

– Заяц трусливый! Вряд ли он тут что-нибудь учинил. Но лучше бы им по дому не гулять.

«Стану хозяйкой Мартингейла, – решила Кэтрин, – наведу порядок».

В палатке, где была приготовлена закуска, естественно, собралось много народу, под аккомпанемент музыки, которую транслировали по радио и которая проникала сквозь холщовые стены, позвякивала фаянсовая посуда, гудели голоса и посвистывал титан. Накрывали на стол ученики воскресной школы – они соревновались, кто лучше составит букет из полевых и лесных цветов. На каждом столе стоял именной кувшинчик из-под джема, в котором красовались маки, лесная кислица и шиповник, буйно распустившиеся от того, что их долго держали в горячих ладонях, – цветы поражали своей нежной, наивной красотой, хотя их аромат тонул в терпком запахе вытоптанной травы, пропеченного солнцем холста и пищи. Говор стоял такой громкий, что, когда наступила неожиданная пауза, Кэтрин показалось, что все вокруг стихло. Только минуту спустя до нее дошло, что не все замолкли, что не все повернулись к противоположному входу в палатку, в котором появилась Салли в белом платье с глубоким конусообразным вырезом, юбка – в водовороте складок; в точно таком же была и Дебора, и такой же зеленый пояс охватывал талию Деборы, зеленые серьги сияли у горящих щек. Кэтрин почувствовала, как вспыхнули и ее щеки,

и против воли бросила на Дебору быстрый вопросительный взгляд. Она была не одинока. Все больше и больше голов поворачивались к ним. В дальнем углу палатки, где девчонки мисс Лидделл уже давно попивали чай под неусыпным оком мисс Поллак, кто-то захихикал. Кто-то сказал тихо, но и не так уж тихо:

– Ну и Сал!

Только Дебору, казалось, это не занимало. Не удостоив Салли взглядом, она подошла к доскам на козлах, служившим столом, и спокойно попросила чай для двоих, бутерброды с маслом и кекс. Миссис Парди в замешательстве торопливо налила две чашки, и Кэтрин последовала за Деборой к свободному столику, схватив тарелку с кексом, в ужасе думая, что и она попала в дурацкое положение.

– Как она посмела? – пробормотала она, наклоняя пылающее лицо над чашкой. – Она же это нарочно.

Дебора чуть повела плечом:

– Не знаю. Какое это имеет значение? Ну попутал ее маленько нечистый, мне-то что до этого?!

– Откуда у нее это платье?

– Оттуда же, откуда у меня. Ярлык фирмы ведь внутрь пришивают. Это не эксклюзивная модель или что-то там еще. Любой может купить, если захочет поискать. Салли, видно, решила, что игра стоит свеч.

– Но откуда ей было знать, что и ты сегодня его наденешь?

– Любой другой случай, полагаю, тоже подошел бы. Мо-

жет, хватит об этом?

– Не понимаю, почему ты относишься к этому так спокойно. Я бы не смогла.

– Чего ты хочешь от меня? Чтобы я пошла и содрала его с нее? Можно, конечно, поразвлечь соседей, но всему есть предел.

– Интересно, что Стивен на это скажет, – сказала Кэтрин. Дебора удивилась.

– Не уверена, что он даже заметит, разве что подумает, что платье ей к лицу. Оно больше ей идет, чем мне. Тебе нравится кекс или отправишься на поиски сандвичей?

Путь к дальнейшим дебатам был отрезан, и Кэтрин принялась за чай.

2

Время тянулось медленно. После эпизода в палатке Кэтрин потеряла к празднику всякий интерес, и распродажа подержанных вещей превратилась для нее в принудиловку. Как Дебора и предсказывала, все было распродано до пяти часов, и Кэтрин решила помочь организовать катание на пони. Когда она появилась на лужайке, Стивен поднимал вопящего от восторга Джимми и усаживал в седло перед матерью. Солнце к концу дня не так шпарило, в его лучах волосы малыша превратились в пламень. Сияющие волосы Салли упали вперед, когда она нагнулась, шепча что-то Стивену.

Кэтрин слышала, как он засмеялся в ответ. Она никогда не забудет то мгновение. Она прошла в сад, стараясь собраться с духом и вернуть себе то безмятежное состояние, в котором она начинала день. Побродив бесцельно по саду в поисках какого-нибудь занятия, она решила пойти в дом, полежать до ужина. Ни миссис Макси, ни Марты она не увидела, занятые, наверное, с Саймоном Макси или готовят холодную закуску, которой должен увенчаться праздник. В окно она видела, как дремлет доктор Эппс около своих аттракционов «Метание стрел» и «Шалаш сокровищ», самая напряженная часть дня была позади. Скоро назовут победителей соревнований, их станут хвалить и награждать; люди тоненьким, но непрерывающимся ручейком уже потянулись на автобусную остановку.

Салли она не видела больше, она помылась, переделалась, пошла в гостиную и встретила Марту, которая сказала, что Салли с Джимми еще не вернулась. На столе в столовой были приготовлены холодная закуска, салаты, вазы со свежими фруктами, и все, кроме Стивена, уже были в сборе. Доктор Эппс, веселый и словоохотливый, как обычно, сосредоточил свое внимание на бутылках с сидром. Феликс Герн расставлял бокалы. Мисс Лидделл помогала Деборе накрывать на стол. По тому, как она с тревогой восклицала, когда что-нибудь не могла найти, как бессмысленно перекладывала салфетки, суежилась, ясно было, что она чем-то встревожена. Миссис Макси стояла спиной к собравшимся и смот-

рела в зеркало над камином. Когда она повернулась, Кэтрин поразило ее измученное, испещренное морщинами лицо.

– А Стивен не с вами? – спросила она.

– Нет. Я не видела его с тех пор, как он выводил лошадей. Я была у себя в комнате.

– Может, он с Боукоком повел их в конюшню? А может, переодевается? Думаю, не стоит его ждать.

– А где Салли? – спросила Дебора.

– Дома ее, похоже, нет. Марта сказала мне, что Джими в колыбели, следовательно, она, должно быть, приходила и снова ушла.

Миссис Макси говорила чрезвычайно спокойно. Если что и случилось дома, то она, очевидно, считала происшествие слишком незначительным, чтобы обсуждать его далее в присутствии гостей. Феликс Герн взглянул на нее, и знакомое дурное предчувствие овладело им. Какая странная реакция на столь обыденное событие! Он посмотрел на сидевшую напротив Кэтрин Бауэрз – она тоже явно обеспокоена. Все, конечно, устали. Если не считать бессвязной, раздражающей болтовни мисс Лидделл, никто почти ничего не говорил. Как обычно случается после светских мероприятий, к которым долго готовишься, все раскисли. И хотя все позади, действовала инерция, они не могли так сразу переключиться и расслабиться. Солнце пекло целый день, теперь давило. Ни ветерка, жара стала еще нестерпимее.

Когда в дверях появилась Салли, все повернулись к ней,

точно ужаленные. Она прислонилась к обтянутой холстом панели, белые складки юбки веером разлетелись на темном фоне стены, словно крыло голубя. В тревожном, предвещающем бурю освещении пылали ее волосы. Лицо ее было бледным, но она улыбалась. Рядом стоял Стивен.

Миссис Макси отдавала себе отчет, что произошло: только что каждый в отдельности думал о Салли, а сейчас они сомкнули ряды точно перед лицом общей опасности. Пытаясь снять напряжение, она произнесла небрежным тоном:

– Рада, что ты пришел, Стивен. Салли, вам следовало бы переодеться в рабочее платье и помочь Марте.

Самоуверенная улыбка Салли сменилась смехом. Ей понадобилось какое-то время, чтобы ответить чуть ли не смиренным голосом, с насмешливым почтением:

– Но подобает ли так поступать девушке, мэм, которой ваш сын только что сделал предложение?

3

Саймон Макси провел ночь как обычно – не лучше, не хуже. Вряд ли это удалось еще кому-то из тех, кто ночевал под его крышей. Жена его дежурила в гардеробной, прикорнувшись на кушетке, слушала, как тикают рядом на столике часы, пока фосфоресцирующая стрелка неотвратимо приближается к следующему дню. Она столько раз, лежа здесь, в гардеробной, прокручивала в памяти ту сцену, что, казалось, восста-

новила каждую секунду, малейшую перемену голоса или настроения. Она могла бы припомнить буквально каждое слово мисс Лидделл, этот истерический выпад, водопад диких, полубезумных оскорблений, которые спровоцировали Салли на грубость.

«Не смейте говорить о том, что вы сделали для меня. Да вы меньше всего думали обо мне, старая лицемерка, сексоманка несчастная! Благодарите Бога, что я держу язык за зубами. Мне есть что рассказать о вас людям».

И Салли вышла, оставив всю компанию наедине с ужином, за который они принялись кто с неподдельным аппетитом, а кто через силу. Мисс Лидделл даже не старалась есть. Миссис Макси заметила на ее щеке слезу и подумала: должно быть, мисс Лидделл действительно страдает, ведь она так пеклась о Салли, от души радовалась ее успехам и удаче. Доктор Эппс управлялся с едой в непривычном для него молчании – верная примета, что его челюсти и мозг заняты одновременно. Стивен не последовал примеру Салли, а сел за стол рядом с сестрой. В ответ на тихий вопрос матери: «Это правда, Стивен?» – он ответил просто: «Конечно». Больше он к этому не возвращался; брат с сестрой, сидя весь вечер друг подле друга, ели мало, но зато являли собой единый фронт сопротивления стенаниям мисс Лидделл и ироническим взглядам Феликса Герна. Он, думала миссис Макси, единственный из собравшихся, кто получает удовольствие от этой трапезы. Не исключено, что эти события

способствовали его аппетиту. Она знала, что он недолюбливал Стивена, и эта странная помолвка, похоже, забавляет его и увеличивает его шансы относительно Деборы. Дураку ясно, что Дебора не останется в Мартингейле, если Стивен женится. Миссис Макси с необычайной отчетливостью, отчего ей даже не по себе стало, вспомнила склоненное лицо Кэтрин, так некстати вспыхнувшее от горя или негодования, и то, как хладнокровно Феликс Герн окликнул ее, чтобы она хотя бы попыталась скрыть свое состояние. Он всегда умел развеселить, а вчера вечером особенно постарался. Чудеса, да и только – к концу ужина все уже смеялись. Неужели это было всего семь часов назад?

В тишине маятник тикал невыносимо громко. Ночью шел проливной дождь, сейчас, правда, прекратился. В пять утра ей послышалось, что Саймон заворочался, и она пошла к нему. Но он лежал в забытии, они это состояние называли сном. Стивен сменил ему снотворное. Дал какую-то микстуру вместо таблеток, правда, результат был тот же самый. Она вернулась к кушетке, но заснуть ей не удалось. В шесть утра она поднялась, надела халат, потом налила в электрический чайник воды и включила его, решив выпить чаю. Наконец-то наступил день со своими хлопотами.

Когда Кэтрин постучала в дверь и скользнула в комнату в пижаме и халате, ей даже легче сделалось. Правда, на какое-то мгновение испугалась, что Кэтрин пришла выговориться, что придется обсуждать события прошлого вечера,

оценивая их, возмущаться, снова их переживать. Большую часть ночи она обдумывала планы, в которые не могла да и не хотела посвящать Кэтрин. Но она безумно обрадовалась, что наконец-то появилась живая душа. Она заметила, что девушка очень бледная. Значит, кто-то еще маялся без сна в эту ночь. Кэтрин сказала, что почти не спала из-за дождя и проснулась очень рано от головной боли. У нее теперь редко мигрени, но когда бывают, то спасу нет. Не найдется ли у миссис Макси аспирину? Лучше в капсулах, но в таблетках тоже сойдет. Миссис Макси подумала, что головная боль, верно, предлог, чтобы завести доверительную беседу о Салли со Стивеном, но, взглянув пристальнее на отяжелевшие веки Кэтрин, она убедилась, что та не притворяется. Кэтрин явно было не до продуманных ходов. Миссис Макси предложила ей поискать лекарство в аптечке, а сама поставила на поднос еще одну чашку чаю. Конечно, Кэтрин не самая подходящая для нее компания, но по крайней мере она, судя по всему, станет пить чай молча.

Они сидели у электрокамина, когда пришла Марта, ее вид и тон являли собой такую взрывчатую смесь негодования и волнения.

– Салли, мэм, – сказала она, – снова, видать, проспала. Я ее зову, а она не отвечает, подергала дверь, так она ее заперла. Я даже войти не смогла. Не пойму, чего девчонка добивается, мэм.

Миссис Макси поставила чашку на блюдце и отметила

с любопытством и одновременно с отстраненностью медика, что рука у нее не дрожит. Произошло что-то страшное – эта мысль сковала ее ужасом, пришлось переждать, пока не со владыла с голосом. А когда заговорила, ни Кэтрин, ни Марта не заподозрили в ней никакой перемены.

– Вы как следует стучали? – спросила она.

Марта замялась. Миссис Макси не зря спрашивала. Марта предпочла не поднимать шума. Это ей было на руку – пусть Салли и в самом деле проспит. После бессонной ночи выслушивать эти мелкие придирки было просто невыносимо.

– Попробуйте еще раз, – сказала миссис Макси. – У Салли вчера был трудный день, как и у всех у нас. Люди без причин не просыпают.

Кэтрин открыла было рот, хотела что-то сказать, но передумала и склонилась над чаем. Через несколько минут Марта вернулась, и на этот раз она уже не сомневалась. Раздражение заглушила тревога, в голосе звучала почти паника:

– Бесполезно, она не слышит меня. Малыш проснулся. Он там хнычет. Салли не слышит меня, и все тут!

Миссис Макси не помнила, как добралась до дверей Салли. Она была настолько уверена, что комната должна быть открытой, что минуту-другую стучала в дверь и дергала ее, но безрезультатно, наконец до нее дошло – дверь заперта изнутри. Стук в дверь разбудил Джимми, и теперь он уже не хныкал, а вопил от страха. Миссис Макси слышала, как он гремит перекладками кровати, и представляла, как он

старается подняться, стиснутый шерстяным спальным мешком, и докричаться до своей мамы. На лбу у нее проступил холодный пот, она стерла его – хоть что-то сделать, чтобы заставить себя перестать колотить в паническом ужасе по бесчувственному дереву.

Марта застонала, а Кэтрин положила на плечо миссис Макси руку, чтобы утешить и сдержать ее:

– Не надо так волноваться. Я позову вашего сына.

«Почему она не сказала “Стивена”? – подумала миссис Макси ни с того ни с сего. – Ведь мой сын – Стивен». Он тут же пришел. Должно быть, стук в дверь разбудил его, иначе Кэтрин не смогла бы привести его так быстро. Стивен говорил спокойным тоном:

– Мы залезем в окно. Лестница в чулане подойдет. Я позову Герна.

Он удалился, а женщины, сгрудившись, стоя тесной группкой, молча ждали. Время, казалось, еле ползло.

– Это недолго, – успокаивала Кэтрин. – Они сейчас вернутся. С ней все в порядке, я просто уверена. Должно быть, заспалась.

Дебора посмотрела на нее долгим взглядом:

– Когда так надывается Джимми? Думаю, ее там нет, ушла, и все.

– С чего бы это? – спросила Кэтрин. – А почему же дверь заперта?

– Ну что вы, Салли не знаете: выбрала путь более экстен-

тричный – вылезла в окно. Ей, по-моему, так нравятся представления, что она их устраивает, даже когда ей самой не удастся насладиться эффектом. Вот мы дергаемся, дрожим здесь. Стивен и Феликс волокут лестницу, весь дом ходуном. Она только этого и добивалась.

– Она не бросила бы малыша, – сказала вдруг Кэтрин. – Ни одна мать не сделала бы этого.

– А эта, как видите, сделала, – сухо ответила Дебора. Но ее мать отметила, что она не двинулась с места.

Вопли Джимми стали просто невыносимыми, в них тонули все остальные шумы, не слышно было, как мужчины возятся с лестницей, как лезут через окно в комнату. Они услышали лишь резко щелкнувший замок. На пороге стоял Феликс. Взглянув на него, Марта вскрикнула – то был звериный, пронзительный вопль ужаса. Миссис Макси скорее почувствовала, чем услышала шарканье ее шагов – она пошла прочь, но за ней никто не последовал. Остальные, оттолкнув руку Феликса, пытавшегося помешать им, молча двинулись вперед – туда, где лежала Салли. Окно было открыто, наволочка на подушке промокла от дождя. На ней тонкой золотой сетью лежали волосы Салли. Глаза у Салли были закрыты, но она не спала. Из уголка плотно сжатого рта, точно порез, протянулась тонкая струйка засохшей крови. На шее с обеих сторон, там, где руки убийцы задушили в ней жизнь, темнели синяки.

Глава четвертая

1

– Уютный уголок, – сказал сержант сыскной полиции Мартин, когда полицейская машина подкатила к Мартингейлу. – Хоть немного переключимся после нашей последней работенки.

Он сказал это с удовольствием – уроженец сельских мест, он остался верен деревне, а в этих густонаселенных городах и жутких многоквартирных домах убийцам приволье. Он потянул носом воздух и поблагодарил небеса, которые надумили полицию или судьбу поручить местному полицейскому позвонить в Скотланд-Ярд. Прошел слух, что шеф полиции лично знаком с семьей, где произошло убийство, именно потому он счел благоразумным незамедлительно передать это неприятное дело своему подчиненному, к тому же на нем висело нераскрытое преступление, совершенное где-то на границе их графства. Сержанта Мартина все это вполне устраивало. Работа есть работа, где бы ты ее ни делал, но все же человек имеет право выбора.

Старший инспектор Адам Дэлглиш ничего не сказал в ответ, но, выскочив из машины, отступил на шаг и быстро оглядел дом. Типичная елизаветинская усадьба, правда,

несколько стилизованная. По обеим сторонам квадратного центрального крыльца возвышалось два больших, на два этажа, фонаря со средниками и фрамугами в окошках. Водосточная труба увенчана массивным геральдическим вензелем. Крыша плавно спускается к маленькой открытой каменной балюстраде, также украшенной резными гербами, шесть мощных дымовых труб в стиле тюдор⁹ дерзко возвышаются на фоне летнего неба. К западной части пристроена еще одна комната. По неровному изгибу стены Дэлглиш догадался, что пристроена она позднее – может, в прошлом столетии. Большие двустворчатые окна с зеркальными стеклами выходят в сад. На долю секунды в одном из них он увидел чье-то лицо, но оно тут же исчезло. Кто-то наблюдает за ними. От угла дома на запад до самых ворот тянется стенка из серого камня, почти целиком скрытая кустарником и высокими буками. С этой стороны деревья совсем близко подступали к дому. Над стеной в листве он разглядел лестницу, приставленную к эркеру. Там, должно быть, комната убитой девушки. Ее хозяйка удачно выбрала – комната, как раз чтобы принимать случайных гостей. У крыльца стояли две машины – полицейская (возле нее в застывшей позе сидел полицейский) и перевозка из морга. Шофер перевозки откинулся на сиденье, надвинул козырек фуражки на глаза, он даже не заметил Дэлглиша, а его напарник мельком глянул на Дэлг-

⁹ Стиль архитектуры, отличающийся плоскими арками и деревянной обшивкой стен. Конец XVI – начало XVII в.; назван в честь династии Тюдоров.

лиша и снова уткнулся в воскресную газету.

Старший офицер местной полиции ждал их в холле. Они, конечно, знали друг друга: оба были довольно известны в своих кругах, но ни тот, ни другой ни разу не проявили ни малейшего желания познакомиться поближе. Минута была не из легких. Маннинг почел своим долгом подробно объяснить, почему его шеф все же решил связаться со Скотланд-Ярдом. Ответ Дэлглиша был не менее учтив. Тут же сидели два репортера, как два терпеливых пса, которым пообещали, если они будут вести себя смирно, кинуть кость. В доме было очень тихо, в воздухе веял слабый аромат роз. После нестерпимой духоты в машине показалось, что прохладно, и Дэлглиш невольно поежился.

– Вся семья в сборе в гостиной, – сказал Маннинг. – Я приказал сержанту там остаться. Вы хотите увидеть их сейчас?

– Нет, сначала осмотрю труп. Живые подождут.

Старший офицер Маннинг двинулся вверх по широкой лестнице, поясняя ситуацию вновь прибывшим:

– Я собрал немного информации до того, как узнал, что связались с центром. Основное вам, вероятно, уже сообщили. Жертва служила здесь горничной. Мать-одиночка, двадцати двух лет. Ее задушили. Труп обнаружен приблизительно в 7.15 утра членами семьи. Дверь в спальню девушки была заперта. Значит, выход, а может, и вход – только через окно. Вы увидите следы на сточной трубе и стене. Похоже,

убийца упал с высоты пяти футов. Ее видели живой вчера в 10 часов 30 минут вечера, она несла себе на ночь питье в спальню. Так и не допила. Кружка – на тумбочке у кровати. Поначалу я решил, что это дело рук чужака, просто уверен был. Здесь вчера устраивали праздник, любой мог войти в сад. В дом тоже, чтобы совершить задуманное. Но кое-что настораживает

– К примеру, питье? – спросил Дэлглиш.

Они как раз миновали лестничную площадку и направлялись в западное крыло дома. Маннинг взглянул на него с любопытством.

– Да, какао. Не исключено, что оно было отравлено. Пропали кое-какие лекарства в доме. Мистер Саймон Макси – инвалид. Из его аптечки пропал пузырек со снотворным.

– Вы нашли признаки отравления на теле убитой?

– Ею сейчас занимается патологоанатом из полицейского участка. Но я сомневаюсь в этой версии. Мне кажется, ее сразу задушили. После обеда мы, вероятно, получим точный ответ.

– Она могла сама принять таблетки, – сказал Дэлглиш. – Нет ли к тому причин?

Маннинг молчал.

– Может, и есть. Я не собрал еще всей информации, но кое-какие слухи ходят.

– А-а, слухи.

– Мисс Лидделл пришла сегодня утром за малышом.

Она здесь ужинала вчера вечером. По ее рассказам, ужасный ужин получился. Выяснилось, что Стивен Макси сделал предложение Салли Джапп. Разве это нельзя принять за мотив убийства? Если иметь в виду членов семьи Макси?

— Полагаю, что в подобных обстоятельствах можно.

Спальня была оклеена белыми обоями, очень светлая. После мрачных холла и коридоров, обитых дубовыми панелями, задрапированных холстом, эта комната поражала ярким, точно искусственным светом, прямо как на сцене. Самым нереальным предметом здесь был труп — казалось, второ-разрядная актрисуля пытается весьма неубедительно изображать мертвую. Глаза у нее были прикрыты, а на лице сохранилось выражение легкого удивления; Мартин частенько замечал его на лицах убитых. Два маленьких, очень белых зуба прикусили нижнюю губу, что делало личико девушки похожим на кроличье, тогда как в жизни, он понял это, оно было привлекательным, может, даже красивым. Ореол золотых волос светился на подушке, будто бросая нарочитый вызов смерти. Он прикоснулся к ним, они были слегка влажные. Удивительно, подумал он, что их сияние не потускнело, после того как жизнь покинула тело. Он стоял не двигаясь и смотрел на нее. Он не испытывал жалости или гнева в подобные минуты, хотя позднее приходило и то и другое, но чувства следовало подавлять. Ему надо было запомнить по-лучше, как выглядит убитая. Такая уж у него выработалась привычка за семь лет, прошедших с его первого крупного

дела – тогда он мрачно и решительно смотрел на искромсанный труп проститутки из Сохо и думал: «Вот так. Это моя работа».

Фотограф закончил работать с трупом, потом приступил к делу полицейский хирург. Теперь фотограф заканчивал снимки комнаты и окна, после чего он сложит свою аппаратуру. Похоже, другой полицейский уже снял отпечатки пальцев с тела Салли и, погрузившись в свой мир кривых линий и химических составов, передвигался незаметно и бесшумно от дверной ручки к замку, от кружки с какао к ящикам комода, от кровати к подоконнику, потом выбрался на лестницу и стал работать со сточной трубой и самой лестницей. Доктор Фелтман, полицейский хирург, лысый, упитанный и натужно веселый, считал нужным демонстрировать профессиональную невозмутимость перед лицом смерти; сейчас он складывал инструменты в черный чемоданчик. Дэлглиш сталкивался с ним и раньше, знал, что он первоклассный специалист, который никогда не может понять, где кончается его работа и начинается работа детектива. Доктор подождал, пока Дэлглиш отвернется от тела убитой, и заговорил:

– Мы готовы увезти ее, если она вам не нужна. С медицинской точки зрения все выглядит довольно просто. Ее задушил правой рукой человек, стоявший перед ней. Она умерла быстро, не исключено, что от повреждения блуждающего нерва. Я смогу сообщить вам и другие подробности по-

сле полудня. Следов полового акта я не обнаружил, но это не значит, что секс тут не замешан. Думаю, это из тех самых случаев: самый верный способ спастись от желания – обнаружить, что ты обнимаешь труп. А когда мы его поймаем, то услышим знакомую историю: «Я обвинил ее шею руками, чтобы напугать, а она обмякла». Судя по всему, он залез в окно. На водосточной трубе следы пальцев, но не уверен, что обследование земли вокруг дома даст что-нибудь. Внизу – внутренний двор. Не мягкая земля с парой отчетливых следов от подошв. Да и дождь прошлой ночью лил как из ведра, что вряд ли нам на руку. Я пойду приведу санитаров с носилками, если ваши люди уже закончили. Мерзкое занятие для воскресного утра.

Он вышел, а Дэлглиш обследовал комнату. Просторная, мебели мало, поразительное обилие солнечного света, уютно. Наверное, подумал он, раньше здесь была детская для дневных игр. Старомодный камин у северной стены загромождала массивная, в крупную сетку, решетка, за которой был подключен электрокамин. По обеим сторонам камина в глубоких проемах стояли книжные шкафы и низкие горки с чайной посудой. В комнате было два окна. То, что поменьше, – эркер, к которому была прислонена лестница, смотрело на запад, оно выходило во внутренний двор, к старым конюшням. Почти во всю ширину южной стены было другое окно, в которое открывалась панорама лугов и садов. Стекло в нем было старое, украшенное медальонами. Только на

верхних стеклах были фрамуги.

Под прямым углом к окну в эркере стояла кремового цвета кровать, с одной стороны – кресло, с другой – столик с ночной лампой. Детская кроватка в противоположном углу комнаты, полузакрытая ширмой. Таковую ширму Дэлглиш запомнил еще с детства – на ней была уйма цветных картинок и открыток, наклеенных на материю и застекленных. Перед камином лежал ковер, стояло низкое кресло-качалка. Около стены – простой бельевой шкаф и комод.

В комнате была какая-то необычная безликость. Воздух в ней хранил запахи детских комнат – талька, детского мыла, теплых пеленок. Но сама девушка совсем не проявилась в том, что окружало ее. Нет обычного беспорядка, как бывает в комнате женщины, на что он рассчитывал. Ее личные вещи лежали аккуратно по своим местам, но не несли никакой информации. Комната эта была прежде всего детской со скромной постелью для матери малыша. На полках стояло несколько книжек – по уходу за ребенком. Полдюжины журналов – для матери и домохозяек, а не для юных работниц, чьи интересы, конечно же, более романтичны и разнообразны. Он достал один журнал с полки, полистал. Из него выпал конверт с венесуэльской маркой. На нем значился адрес:

Д. Пуллен, эскв.

Розовый коттедж, Нессингфорд-роуд,

Литтл-Чадфлит. Эссекс, Англия.

На обратной стороне карандашом были написаны три даты – 18-е, среда; 23-е, понедельник; 30-е, понедельник.

Перейдя от книжной полки к комоду, Дэлглиш выдвинул по очереди ящики и внимательно изучил содержимое, перебирая вещи привычными движениями. Все они были в безупречном порядке. В верхнем ящике лежали только детские вещи. Большинство – вязаные, чистые и выглаженные. Во втором лежало нижнее белье девушки, сложенное аккуратными стопками. В третьем, нижнем, ящике его ждал сюрприз.

– Что ты на это скажешь? – спросил он Мартина.

Сержант молча подошел к шефу с быстротой, неожиданной для его полноты. Ухватил своей лапищей одну вещьцу.

– Похоже, ручная работа, сэр. Сама обшивала. Тут целый ящик. Сокровище просто!

– Конечно. И не только белье. Скатерти, ручные полотенца, наволочки, – говоря, он перекладывал их. – Довольно-таки трогательная рукодельница, Мартин. Месяцы работы, а результаты заточены в лавандовые пакеты и оберточную бумагу. Бедная крошка. Думаешь, это все было предназначено для Стивена Макси? Мне как-то трудно себе представить такие скромные салфетки на столе в Мартингейле.

Мартин взял одну салфетку и оценивающе разглядел ее.

– Боюсь, не о нем она думала, когда вышивала. Он ведь только вчера сделал ей предложение, если верить Маннин-

гу, а трудилась она над этим месяцами. Моя матушка тоже так вышиwała. Наметит дырочку в материи, потом обошьет и вырежет серединку. Ришелье или еще как-то называется. Очень красиво – если вам вообще рукоделие по душе, – добавил он, поскольку шеф явно не разделял его энтузиазма. Он склонился над салфетками в ностальгическом восторге, потом положил в ящик.

Дэлглиш подошел к окошку в эркере. Широкий подоконник был на высоте почти трех футов. На нем валялись осколки крошечных стеклянных животных: бескрылый пингвин лежал на боку, а хрупкая такса была расколота надвое. Один только сиамский кот уцелел в этой разрухе и посверкивал синими глазами.

Две самые большие, средние, секции окна с щеколдой открывались наружу, водосточная труба огибала точно такое же окно шестью футами ниже, которое выходило на выложенный плитками внутренний двор. Любому, более или менее ловкому человеку не представляло особого труда спуститься вниз. Да и подняться вверх нетрудно. Дэлглиш еще раз отметил, что этот вход – или выход – был укрыт от посторонних глаз. Справа от него высокая кирпичная стена, почти невидимая за ветвями буков, уходила к подъездной аллее. Прямо перед окном на расстоянии тридцати ярдов возвышались старые конюшни с симпатичными башенками. За окном можно следить только из-под открытого навеса. Слева видна небольшая часть лужайки. Там кто-то копался. На

пятачке, вокруг которого натянута веревка, трава не то вытоптана, не то подстрижена. Даже из окна Дэлглишу видны были куски дерна и коричневая почва. Сержант Мартин подошел к нему и ответил на его молчаливый вопрос:

– Здесь доктор Эппс устраивал аттракцион «Шалаш со кровищ». Он его на одном и том же месте устраивает вот уже двадцать лет. Вчера здесь был церковный праздник. Почти все флажки сняли – викарий любит, чтобы к воскресенью было прибрано, но еще день-два понадобится, пока полный порядок наведут.

Дэлглиш вспомнил, что сержант был из здешних мест.

– Вы здесь бывали? – спросил он.

– В этом году нет. Почти всю прошлую неделю дежурил. Никак не можем разобраться с тем убийством на границе. Теперь-то дело идет к концу, но я был просто прикован. Мы с женой обычно приезжали сюда раз в год в день церковного праздника, но то было до войны. Тогда все по-другому было. Сейчас, думаю, и без нас обходятся. По-прежнему полно народу. Любой мог познакомиться с девушкой и вызнать у нее, где она спит. Так что нелегкая работенка предстоит тому, кто станет выяснять ее передвижения вчера днем и вечером.

По тону его ясно было, что он рад, что это предстоит не ему.

Дэлглиш никогда не строил теорий на основании собранных фактов. Но те, которыми он сейчас располагал, не позволяли ему придерживаться столь утешительной версии

о неизвестном случайном пришельце. На теле не обнаружено следов изнасилования, никаких примет ограбления в доме тоже нет. В мыслях он все время возвращался к запертой двери. Предполагается, что члены семейства Макси были в правом крыле дома в семь утра в тот день, но не исключено, что кто-то из них, равно как и незнакомец, мог слезть по водосточной трубе или спуститься по лестнице.

Труп увезли – покрытый белой простыней застывший округлый силуэт на носилках, теперь им займутся патологоанатом и биохимик. Маннинг ушел позвонить в отделение. Дэлглиш и Мартин продолжали терпеливо осматривать дом. Рядом с комнатой Салли была старинная ванная комната – глубокая ванна обшита красным деревом, вдоль одной стены тянется громадный сушильный шкаф с ребристыми перекладинами. Три другие стены были оклеены изящными цветистыми обоями, пожелтевшими от старости, на полу лежал хотя тоже старый, но вполне подходящий по рисунку и не очень протертый ковер. В этой комнате нигде не спрячешься. С лестничной площадки вниз спускались выстеленные грубыми половиками ступени, заканчиваясь коридором, обшитым панелями, одним концом он упирался в кухню, а другим – в главный холл. У самого подножия этой лестницы – тяжелая дверь, выходившая на юг. Она была приоткрыта, и Дэлглиш и Мартин после прохлады Мартингейла очутились в летнем зное. Церковные колокола вдали возвещали начало воскресной службы. Звон, такой отчетливый и ме-

лодичный, преодолевал деревья, он напомнил Мартину воскресенья в деревне, где он провел детство, а Дэлглишу – что предстоит еще столько всего, а утро, можно сказать, на исходе.

– Надо заглянуть в конюшни, осмотреть западную стену, ту, что под ее окном. А потом на кухню. И начнем допрос. У меня такое ощущение, что человек, которого мы ищем, спал прошлую ночь под этой крышей.

2

Макси со своими двумя гостями и Марта Балтитафт ждали в гостиной, когда их станут допрашивать, – ждали под неусыпным оком сержанта, примостившегося у дверей в небольшом кресле; он являл собой несокрушимое спокойствие в отличие от хозяев дома. Его поднадзорные по целому ряду причин хотели бы узнать, сколько их еще заставят ждать, но никто не задал этого вопроса, чтобы не выдать своего волнения. Им сказали, что приехал сыщик, старший инспектор Дэлглиш из Скотланд-Ярда, и скоро придет к ним. А насколько скоро – никто спросить не решался. Феликс и Дебора не переоделись после верховой прогулки. Прочие были одеты наспех. Они почти ничего не ели с утра, а теперь вот сидели и ждали. Заняться чтением – значит выказать свое бессердечие, играть на пианино – дико, говорить об убийстве – неумно, а о чем-то еще – противоестественно, по-

тому они хранили гробовую тишину. Феликс Герн и Дебора сидели на диване, но поодаль друг от друга, потом он наклонился и шепнул ей что-то на ухо. Стивен Макси стоял у окна спиной к собравшимся. Положение обязывало его, как цинично сформулировал Феликс Герн, прятать лицо и демонстрировать опущенной головой немую печаль. Четверо из наблюдавших за ним многое бы отдали, чтобы узнать, была ли его печаль подлинной. Элеонора Макси невозмутимо сидела в кресле на некотором расстоянии. Нельзя сказать, что она онемела от горя или погрузилась в свои мысли. Она была очень бледна, но паника, ненадолго овладевшая ею у дверей Салли, оставила ее. Ее дочь отметила, что она переоделась и теперь предстала перед домочадцами и гостями почти в обычном своем виде. Марта Балтитафт тоже сидела в сторонке, на краешке стула, мучаясь от безделья и бросая гневные взгляды на сержанта, который, по ее разумению, был виновником ее мук — заставил сидеть в присутствии хозяев, да еще в гостиной, когда работы невпроворот. Утром она больше других сокрушалась, напугалась до ужаса, когда обнаружили девчонку, а сейчас всю эту канитель воспринимала как личное оскорбление и сидела мрачная, кипя от негодования. Кэтрин Бауэрз была само спокойствие. Она достала из сумочки маленький блокнот и временами делала в нем записи, будто восстанавливая в памяти утренние события. Ее уравновешенный, спокойный вид никого, конечно, не мог обмануть, но все завидовали ее выдержке. Каждый был предо-

ставлен, в сущности, сам себе и думал о своем. Устремив взгляд на сложенные на коленях сильные руки, миссис Мак-си думала о сыне.

«Он справится со всем этим, молодые всегда справляются. Слава богу, Саймон ничего никогда не узнает. Трудно будет ухаживать за ним без Салли. Конечно, не надо сейчас об этом думать. Бедняжка. На замке должны быть отпечатки пальцев; полицейские ни за что не упустят этого из виду. Хотя он мог быть в перчатках. Теперь все знают о перчатках. Интересно, много ли визитеров к ней через окно попадало. Мне следовало об этом раньше побеспокоиться, но как-то невдомек было. Ведь у нее ребенок был. Что же им делать теперь с Джимми? Мать – убили, отец – неизвестен. Эту тайну она унесла с собой. Одну из многих, должно быть. Человека никогда не угадаешь. Что, к примеру, я знаю о Феликсе? Он может быть опасен. И этот старший инспектор. Марте следовало бы позаботиться о завтраке. Может, кто захочет перекусить. А где полицейских кормить? Как я понимаю, они заняли наш дом только на сегодня. Сиделка придет в двенадцать, значит, я смогу пойти к Саймону. Хотя, наверно, могла бы и сейчас пойти, если бы спросила разрешения. Дебора вот-вот сорвется. Мы все измучены вконец. Главное, держать себя в руках».

Дебора думала: «Не надо мне ее ненавидеть, она же мертва, а вот не могу. Одни от нее неприятности были. Вот позабавилась бы, если бы увидела сейчас, как мы тут потеем, ко-

нечно позабавилась бы. Не надо мне так злиться. Лучше бы мы заранее обсудили все. Мы могли бы умолчать о Стивене и Салли, если бы с нами Эппс и мисс Лидделл не ужинали. И Кэтрин, конечно. Вечно эта Кэтрин. Похоже, она получает удовольствие. Феликс знает, что Салли дали наркотик. Что ж, если это так, таблетки бросили в мою кружку. Пусть как хотят, так сами и разбираются!»

Феликс Герн думал: «Это недолго. Главное – не сорваться. Меня будут допрашивать вежливые английские полицейские, соблюдая все юридические правила. Страх надо уметь прятать. Воображаю физиономию Дэлглиша, когда я попытаюсь втолковать ему кое-что. Простите, инспектор, если по мне заметно, что я в ужасе от вас. Чисто автоматическая реакция, нервы ни к черту. Терпеть не могу, когда мне задают вопросы официальные лица, особенно когда допрос обставляют как доверительную беседу. Испытал на себе во Франции. Сейчас-то я оклемался, как вы понимаете, если не считать одного пустяка – имею привычку срываться. Просто пугаюсь. Уверен, войдете в мое положение, герр инспектор. Вы задаете такие толковые вопросы; к сожалению, не доверяю я толковым вопросам. Но не надо придавать этому слишком большое значение. Чепуховый недостаток. Вроде бы меня допрашивали достаточно. Я-то легко отделался. Они даже ногти на некоторых пальцах мне оставили. Это я пытаюсь объяснить, почему мне трудно отвечать вам».

Стивен повернулся.

– А как насчет адвоката? – спросил он. – Не надо послать за Джефсоном?

Его матушка прервала молчаливое созерцание своих рук.

– Мэтью Джефсон отправился на мотоцикле куда-то на континент. Лайонел в Лондоне. Мы можем пригласить его, если ты сочтешь это целесообразным.

В голосе прозвучала вопросительная интонация.

– Мам, прошу тебя, только не Лайонела Джефсона, – сказала Дебора. – Индюк надутый и зануда. Вот если нас арестуют, мы попросим его похлопотать за нас в суде. К тому же он не специалист по уголовным делам. Он соображает только насчет доверенностей, письменных показаний под присягой и прочих документов. Наша просьба потрясет его благородное сердце. Он не помощник.

– А вам нужен адвокат, Герн? – спросил Стивен.

– Как-нибудь справлюсь сам, спасибо.

– Нам следует принести извинения за то, что втянули вас в такую историю, – сказал Стивен подчеркнуто официально. – Вряд ли это доставляет вам удовольствие и, может быть, нарушило ваши планы. Не представляю, когда вы сможете вернуться в Лондон.

Феликс подумал, что Стивену следовало бы извиниться перед Кэтрин Бауэрз. Он демонстративно не замечал девушку. Неужели этот надменный болван всерьез полагает, что смерть сопряжена лишь с неприятностями и неудобствами?! Отвечая, он бросил взгляд на миссис Макси:

– Я рад остаться – по доброй воле или по принуждению, – лишь бы я был чем-нибудь полезен.

Кэтрин присоединила свои искренние заверения к словам Феликса, в этот момент молчаливый страж вернулся к жизни, вскочив по стойке «смирно», точно его подбросила пружина. Открылась дверь, и вошли трое полицейских в штатском. Маннинг был уже им знаком. Он представил сыщика, старшего инспектора Адама Дэлглиша, и сержанта Джорджа Мартина. Пять пар глаз одновременно устремились на того, кто был повыше, – со страхом и нескрываемым любопытством, словно пытаясь раскусить его.

Кэтрин Бауэрз подумала: «Высокий, смуглый, красивый. Я не таким себе его представляла. В самом деле, интересное лицо».

Стивен Макси подумал: «Высокомерный дьявол. Тянул время, не сразу пришел к нам. Хотел небось помытарить нас. Или же рыскал по дому. Теперь наш дом нам не принадлежит».

Феликс Герн подумал: «Ага, сейчас начнется. Адам Дэлглиш, слышал о нем. Безжалостный, оригинал, всегда старается уложиться в срок. Наверно, он тоже сам себе не хозяин. По крайней мере нас, видно, считают достойными противниками».

Элеонора Макси подумала: «Где я видела эту голову? Конечно же. Это Дюрер. В Мюнхене, кажется. «Портрет незнакомца». Почему все думают, что сыщик должен быть непре-

менно в котелке и плаще?!»

Пока собравшиеся знакомились и обменивались любезностями, Дебора Рискоу вглядывалась в Дэлглиша словно сквозь тонкую паутину золотистых волос.

Он заговорил неожиданно низким голосом, спокойно, ровно:

– Я понял со слов старшего офицера Маннинга, что соседняя небольшая комната для занятий отдана в мое распоряжение. Надеюсь, я не займу ее надолго – так же как и вас. Мне хотелось бы побеседовать с каждым в отдельности в следующей последовательности...

– Жду вас в моем кабинете в девять, в девять ноль пять, девять десять... – прошептал Феликс Деборе. Он сам не знал, пытается приободрить ее или себя, но в ответ улыбки не последовало.

Дэлглиш быстро окинул взглядом собравшихся.

– Мистер Стивен Макси, мисс Бауэрз, миссис Макси, миссис Рискоу, мистер Герн и миссис Балтитафт. Прошу тех, кто ждет своей очереди, оставаться здесь. Если кому-нибудь понадобится покинуть комнату, за дверями женщина-полицейский и констебль, они проводят. Как только мы со всеми побеседуем, стража будет снята. Не соблаговолите ли пройти со мной, мистер Макси?

Стивен Макси начал первым:

– Мне кажется, будет лучше, если вы узнаете, что мы с мисс Джапп были помолвлены и собирались пожениться. Я сделал вечером ей предложение. Это не секрет. Теперь-то все – она мертва, я мог бы и не вспоминать об этом, но она сообщила о нашем решении в присутствии самых заядлых деревенских сплетников, и вы сами очень скоро об этом услышите.

Дэлглиш уже услышал и ни в коем разе не был убежден, что помолвка не имеет никакого отношения к убийству, он поблагодарил мрачноватого мистера Макси за его чистосердечие и выразил соболезнования в связи со смертью невесты. Молодой человек неожиданно посмотрел на него открытым взглядом.

– Я не чувствую себя вправе получать соболезнования. Я даже не чувствую, что меня постигла тяжелая утрата. Наверно, когда шоковое состояние пройдет, я почувствую что-то. Помолвка состоялась только вчера, а теперь она мертва. Все еще не могу в это поверить.

– Ваша матушка знала о помолвке?

– Да. Все члены семьи знали, кроме отца.

– Миссис Макси одобрила ваше решение?

– Может, вы лучше сами спросите ее об этом?

– Должно быть, вы правы. Какие у вас были отношения с мисс Джапп до вчерашнего вечера, доктор Макси?

– Если вы хотите знать, были ли мы любовниками, ответ – нет. Я жалел ее, восхищался ею, она мне очень нравилась. Понятия не имею, что она думала обо мне.

– Но она все-таки приняла ваше предложение?

– Конкретно она мне ничего не ответила. Но сообщила моей матушке и гостям, что я сделал ей предложение, так что, естественно, я решил, что она намерена принять его. В противном случае не было бы смысла сообщать об этом.

Дэлглиш мог бы привести несколько мотивов, по которым девушка могла бы совершить такой поступок, но он не был готов обсуждать их. Вместо этого он попросил свидетеля описать события, происшедшие с того момента, как таблетки снотворного попали в Мартингейл.

– Вы, значит, считаете, что ей дали наркотик, инспектор? Я рассказал старшему офицеру об этих таблетках, как только он приехал сюда. Рано утром таблетки, вне всякого сомнения, были в аптечке отца. Мисс Бауэрз заметила их, когда доставала из аптечки аспирин. Их там нет теперь. Осталась только нераспечатанная упаковка. Пузырек исчез.

– Мы наверняка найдем его, доктор Макси. Вскрытие покажет, принимала мисс Джапп наркотики или нет и сколько. Почти наверняка в кружке у кровати было что-то другое, а не какао. Хотя, конечно, она могла сама положить туда таблетки.

– А если не она, инспектор, то кто же? Таблетки могли быть предназначены и не для Салли. У кровати стояла кружка моей сестры. У нас у каждого своя – и все они разные. Если снотворное было предназначено для Салли, его положили в питье после того, как она унесла кружку к себе в комнату.

– Если кружки так разнятся, странно, с чего это мисс Джапп ошиблась. Неправдоподобная ошибка, верно?

– А может, это и не ошибка, – сказал лаконично Стивен.

Дэлглиш не попросил его объяснить, что он имеет в виду, а молча слушал, как свидетель описывает визит Салли в больницу Святого Луки в прошлый четверг, события церковного праздника, внезапный толчок, побудивший его сделать Салли предложение, и то, как было найдено тело невесты. Его рассказ основывался на фактах, был четким, почти бесстрастным. Но когда он приступил к описанию сцены, которую увидел в спальне Салли, голос его стал отстраненным. То ли он излишне контролировал себя, что не было ему на пользу, то ли он, готовясь к этому собеседованию, заранее выужбрил все, чтобы страх или жалость не подвели его.

– Я пошел с Феликсом Герном за лестницей. Он был одет, а я – в халате. Я потерял тапку по дороге в сарай, что напротив окна Салли, и Феликс первым подошел и взял лестницу. Она всегда там стоит. Герн вынес ее из сарая, тут подошел я, и он спросил у меня, куда идти. Я показал на окно Салли. Мы несли лестницу вдвоем, хотя она не тяжелая. И один из нас справился бы с ней, не знаю, правда, справилась ли бы

женщина. Мы приставили лестницу к стене, Герн поднялся первым, а я придерживал ее. Затем поднялся я. Окно было открыто, но занавески задернуты. Как вы сами видели, кровать стоит под прямым углом к окну, изголовьем к нему. На широком подоконнике Салли хранила свою коллекцию стеклянных зверушек. Я заметил, что они были разбросаны, почти все разбиты. Герн подошел к дверям и открыл замок. Я стоял и смотрел на Салли. Она была укрыта по самый подбородок, но я сразу же понял, что она мертва. Домашние столпились у постели, и, когда я отвернул простыню, все увидели, что случилось. Она лежала на спине – мы не переворачивали ее, – вид у нее был очень мирный. Но вы сами знаете, какая она была. Вы же видели ее.

– Я знаю, что я видел, – сказал Дэлглиш. – Я спрашиваю, что вы видели.

Молодой человек с любопытством взглянул на него и прикрыл на мгновение глаза, прежде чем ответить. Он говорил ровным, невыразительным голосом, словно повторял заученный урок.

– В уголке рта струйка крови. Глаза прикрыты. Под нижней челюстью с правой стороны четкий след от большого пальца над основанием гортани и менее отчетливый след от пальца слева на шее. Типичный случай удушения правой рукой спереди. Убийце пришлось применить достаточную силу, но, я думаю, смерть наступила в результате повреждения блуждающего нерва, и не исключено, что насту-

пила мгновенно. Я отметил несколько типичных признаков асфиксии. Вы, без сомнения, получите фактические данные после вскрытия. Надеюсь, что они совпадут с вашими выводами. Когда, по-вашему, наступила смерть?

На мускулах челюсти и шеи было несколько *livor mortis*¹⁰. Не знаю, были ли они на других частях тела. Я рассказываю о том, что отметил почти машинально. Конечно же, истощающего эпикриза в подобных обстоятельствах от меня ждать не приходится.

Сержант Мартин, склонясь над блокнотом, безошибочно различил истерические нотки в голосе Стивена. «Бедняга. Старик бывает иногда просто извергом. Но он все правильно говорит тем не менее. Слишком даже правильно для человека, только что обнаружившего тело своей девушки. Если она была его девушкой».

– Я получу со временем истощающий эпикриз, – сказал Дэлглиш спокойным голосом. – Меня интересовало, когда, по вашему мнению, наступила смерть.

– Ночь была очень теплая, хотя и шел дождь. Думаю – не раньше пяти часов, но не позже восьми.

– Вы убили Салли Джапп?

– Нет.

– Вы знаете, кто ее убил?

– Нет.

– Что вы делали с той минуты, как поужинали в субботу

¹⁰ Трупные пятна (*лат.*).

вечером, и до той, когда мисс Бауэрз сказала вам сегодня утром, что дверь в комнату Салли Джапп заперта?

– Мы пили кофе в гостиной. Около девяти вечера мама предложила посчитать выручку. Она лежала в сейфе в кабинете. Я подумал, что они справятся и без меня, мне не сиделось на месте, и я пошел прогуляться. Я предупредил маму, что, может быть, приду поздно, и попросил не запирасть южную дверь. Я не собирался никуда заходить, но как только вышел из дома, понял, что хочу повидать Сэма Боукока. Он живет один в коттедже в дальнем углу нашего приусадебного луга. Я пошел садом, потом через луг к его коттеджу, засиделся у него допоздна. Не помню точно, когда ушел от него, он, надеюсь, поможет – скажет вам. Думаю, чуть позже одиннадцати. Вернулся домой один, вошел через южную дверь, запер ее и пошел спать. Вот и все.

– Вы сразу же пошли домой?

Едва заметное колебание не ускользнуло от Дэлглиша.

– Да.

– Значит, вы вернулись сразу же домой?

– От Боукока пять минут ходьбы, но я не спешил. Думаю, был дома и лег в одиннадцать тридцать.

– Жаль, что вы не можете назвать точное время, доктор Макси. Это тем более удивительно, потому что у вас на тумбочке у кровати стоят небольшие часы со светящимся циферблатом.

– Может, и стоят. Но из этого не следует, что я всегда от-

мечаю время, когда ложусь спать или встаю.

– Вы провели около двух часов с мистером Боукоком. О чем вы беседовали?

– В основном о лошадях и музыке. У него отличный проигрыватель. Мы слушали новую пластинку – Клемперер дирижирует «Героической», если быть точным.

– Вы часто навещали к мистеру Боукоку и проводили с ним время?

– Часто? Боукок был грумом у моего деда. Он мой друг. Разве вы не ходите в гости к друзьям, когда вам хочется, или у вас нет друзей, инспектор?

Первая вспышка. Лицо Дэлглиша сохраняло бесстрастность, ни малейшего признака удовлетворения не появилось на нем. Он подвинул через стол небольшой квадрат бумаги. На нем лежали три крошечных осколка стекла.

– Эти осколки найдены в сарае напротив комнаты мисс Джапп, где, как вы говорите, обычно хранится лестница. Вы знаете, что это такое?

Стивен Макси наклонился вперед, без всякого интереса изучая осколки.

– Осколки стекла, без сомнения. Больше ничего не могу вам о них сказать. Может, кусочки стекла от разбитых часов.

– Или же от разбитых стеклянных зверушек из комнаты мисс Джапп.

– Весьма вероятно.

– Я вижу у вас на правой руке на суставе пальца пластырь.

Что случилось?

– Слегка поранился, когда вчера домой возвращался. Задел рукой за кору дерева. Это самое вероятное объяснение. Не помню, как это случилось, заметил кровь только у себя в комнате. Приклеил пластырь перед тем, как ложиться спать; сейчас я спокойно могу его снять. Ерундовая царапина, но мне надо следить за своими руками.

– Разрешите посмотреть?

Макси приблизился к инспектору и положил руку на стол ладонью вниз. Не дрожит, отметил про себя Дэлглиш. Он подцепил пластырь за уголок и содрал его. Они вместе стали рассматривать побелевшую кожу на суставе. Макси по-прежнему не проявлял ни малейшего волнения, он тщательно разглядывал руку с видом человека, которому приходится снизойти до зрелища, недостойного его внимания. Он подобрал пластырь, аккуратно свернул его и выбросил в мусорную корзину.

– Похоже на порез, – сказал Дэлглиш, – или же на царапину от ногтя.

– Может быть, – согласился с готовностью подозреваемый. – Но если так, вы должны найти кровь и кусочек кожи под ногтем, который меня поцарапал. Простите, но я не помню, как это случилось. – Он посмотрел на царапину и добавил: – Конечно, похоже на порез, но слишком уж он маленький. Через два дня его просто не заметишь. Вы уверены, что вы не хотите сфотографировать его?

– Нет, благодарю, – сказал Дэлглиш. – Наверху более серьезный объект для съемок.

Теперь-таки он получил удовлетворение, наблюдая, какое действие возымели его слова. Пока он занимается этим делом, ни один из подозреваемых не должен считать, что он в любую минуту может замкнуться или спрятаться под маской цинизма, забыть о той, что лежала наверху в постели. Он переждал минуту, потом безжалостно продолжил:

– Я хочу внести абсолютную ясность касательно южной двери. Она ведет прямо на лестницу, которая, в свою очередь, ведет к бывшей детской. В этом смысле можно считать, что мисс Джапп спала в той части дома, которая имеет отдельный вход. Практически изолированная квартира. Как только кухонные помещения на ночь закрывались, она могла пускать к себе посетителя через эту дверь, почти не рискуя, что кто-нибудь заметит. Если дверь отперта, посетитель мог вполне легко добраться до ее комнаты. А вы говорите, что с девяти часов, когда вы закончили ужин, до одиннадцати часов с минутами, пока вы не вернулись от Боукока, дверь оставалась открытой. Можно считать, что любой мог попасть в дом через южную дверь на протяжении этого отрезка времени.

– Да. Думаю, что мог.

– Вы наверняка знаете, мог или не мог, господин Макси?

– Да, мог. Вы, верно, заметили в двери два тяжелых внутренних засова и взрезной замок. Где-то есть ключи, думаю.

Мама, должно быть, знает, где они. Обычно днем мы дверь держим незапертой, а на ночь задвигаем засов. Зимой почти всегда дверь на засове, ею мы не пользуемся. В кухню можно попасть через другой вход. Мы не очень-то волнуемся насчет запоров, здесь никогда ничего не происходило. А если даже и запремся на все замки, это от грабителя нас не спасет. Можно проникнуть в балконную дверь гостиной, ничего не стоит. Мы, конечно, запираем окна и дверь, но выдавить стекло – проще простого. Признаться, никогда не задавались вопросом, можно к нам влезть или нет.

– А вдобавок к этой постоянно открытой двери в старых конюшнях очень удобная стремянка?

Стивен Макси слегка пожал плечами:

– Ну надо же ее где-то держать. Не запирать же стремянки только оттого, что кому-то может взбрести в голову воспользоваться ими, чтобы забраться в дом.

– У нас нет пока доказательств, что кто-то ею воспользовался. Меня по-прежнему интересует эта дверь. Готовы ли вы поклясться, что она была не заперта, когда вы вернулись от Боукока?

– Конечно. В противном случае я не смог бы попасть домой.

Дэлглиш быстро произнес:

– Вы понимаете важность показания, когда именно вы пришли домой и задвинули на двери засов?

– Конечно.

– Я намерен еще раз задать вам вопрос: в какое время вы задвинули засов на двери? Советую тщательно обдумать ваш ответ.

Стивен Макси посмотрел ему прямо в глаза и ответил небрежно:

– В двенадцать часов тридцать три минуты – по моим часам. Я не мог заснуть и в двенадцать тридцать вдруг вспомнил, что не запер дверь. Я встал с постели, пошел и закрыл ее. Я никого не видел, ничего не слышал и сразу же вернулся к себе. Конечно, я растяпа, но ведь нет закона, по которому можно привлечь к ответственности человека за то, что он забыл запереть дверь. Или есть?

– Итак, в двенадцать часов тридцать три минуты вы заперли южную дверь?

– Да, – с готовностью ответил Стивен Макси. – В тридцать три минуты пополуночи.

4

В Кэтрин Бауэрз Дэлглиш нашел свидетеля, о котором мечтает каждый полицейский, – спокойная, старательная, уверенная в себе. Она вошла – воплощение выдержки и самообладания, – не выказывая никаких признаков нервозности или горя. Она не понравилась Дэлглишу. Он знал, что весьма склонен к такой субъективной неприязни, и потому-то давным-давно научился одновременно скрывать по-

добные эмоции и не пренебрегать ими. Но он не ошибся, заподозрив в ней внимательного наблюдателя. Она отлично подмечала реакции людей, так же как их поступки. Именно Кэтрин Бауэрз сообщила Дэлглишу, в какой ужас повергли слова Салли семейство Макси, как она торжествующе смеялась, сообщив свою новость, и какой неожиданный эффект оказали слова, брошенные ею в адрес мисс Лидделл, на эту почтенную особу. Мисс Бауэрз отлично подготовилась и к вопросам, касающимся лично ее.

– Естественно, когда Салли сообщила нам свою новость, для всех нас это было ужасным ударом, но догадываюсь, как это могло случиться. Я не знаю человека добрее доктора Макси. У него слишком развито чувство социального долга, я всегда ему говорила, а девчонка воспользовалась этим. Я уверена, не любил он ее по-настоящему. Никогда не признавался о своем чувстве мне, уж кому-кому, а мне первой бы сказал. Если бы они в самом деле полюбили друг друга, он бы доверился мне, я бы поняла его и отпустила.

– Вы хотите сказать, что вы были помолвлены?

Дэлглишу стоило труда скрыть свое удивление. Не хватало еще одной невесты – дело принимало просто фантастический оборот.

– Не совсем помолвлены, инспектор. У нас не было колец, ну, и прочего. Но мы были очень близкими друзьями, причем так давно, что это как бы само собой подразумевалось... Думаю, уместно сказать, между нами было некое мол-

чаливое соглашение. Но конкретных планов не было. Доктору Макси предстояло еще очень много сделать для своей карьеры, прежде чем он мог позволить себе думать о женитьбе. И нельзя было забывать, что его отец тяжело болен.

— Итак, фактически вы не были помолвлены и о женитьбе речь не шла?

Вопрос был поставлен в лоб, Кэтрин ограничилась легкой самоуверенной улыбкой, означавшей, что это было делом времени.

— Когда вы приехали в Мартингейл на этот уик-энд, что-нибудь бросилось вам в глаза?

— Я приехала в пятницу поздно вечером. Прямо к ужину. Доктор Макси еще позднее приехал, мистер Герн только в субботу утром, так что ужинали миссис Макси, Дебора и я. Мне показалось, что они чем-то обеспокоены. Не хотелось говорить об этом, но боюсь, Салли Джапп была интриганкой. Она прислуживала нам, и мне совсем не понравилась ее манера поведения.

Дэлглиш продолжал расспрашивать Кэтрин, «манера поведения» Салли, насколько он мог заключить, сводилась к тому, что она чуть вскидывала голову, когда Дебора говорила с ней, и не называла миссис Макси «мэм». Но он счел это показание Кэтрин стоящим внимания. Похоже, что миссис Макси и ее дочь все время думали об опасности, нависшей над ними.

Он изменил направление беседы и незаметно подвел ее

к событиям, происшедшим в воскресенье утром. Теперь она рассказала, как проснулась с головной болью после тяжелой ночи и отправилась на поиски аспирина. Миссис Макси предложила ей самой поискать лекарство. Именно тогда она и заметила маленький флакон со снотворным. Сначала она решила, что это аспирин, но быстро поняла, что таблетки слишком маленькие и другого цвета. К тому же пузырек был с этикеткой. Она не обратила внимания, сколько таблеток там было, но она абсолютно уверена, что в семь утра он был в аптечке, и точно так же в том, что когда она со Стивеном Макси стала его искать, после того как было обнаружено тело Салли Джапп, его там не было. В аптечке лежало только снотворное в нераспечатанной упаковке.

Дэлглиш попросил ее описать, как было обнаружено тело убитой, и, к его удивлению, Кэтрин нарисовала весьма красочную картину.

– Когда Марта пришла и сказала миссис Макси, что Салли не встала, мы поначалу подумали, что она снова проспала. Потом Марта вернулась и сказала, что дверь заперта, а Джимми плачет, и мы пошли выяснить, что же случилось. Сомневаться не приходилось – дверь была на задвижке. Вы уже знаете, что доктор Макси и мистер Герн попали в комнату через окно, и я слышала, как один из них отодвинул задвижку. Думаю, мистер Герн открыл ее, потому что он впустил нас. Стивен стоял у постели и смотрел на Салли. Герн сказал: «Боюсь, она мертва». Кто-то вскрикнул. По-моему,

Марта, но я не оглядывалась. Я сказала: «Не может быть! Она была в полном здравии вчера вечером!» Мы подошли к постели, Стивен стянул простыню с лица. Она прикрывала ее подбородок; Салли так аккуратно была закрыта простынкой, будто ее кто-то заботливо подоткнул на ночь. Мы увидели отметины у нее на шее и поняли, что произошло. Миссис Макси на минуту закрыла глаза. Я решила, что она теряет сознание, и подошла к ней. Но она удержалась на ногах, сделала шаг к кровати и схватилась за спинку.

Она так сильно дрожала, что даже кровать закачалась. Это односпальная кровать, как вы, безусловно, заметили; миссис Макси дрожала. Стивен сказал очень громко: «Лицо ее закройте»¹¹, но Герн сказал ему, что не следует ничего трогать до прихода полиции. Герн был самым спокойным среди нас, думаю, он немало повидал убийств, вот и привык. Он скорее был заинтригован, чем испуган. Он наклонился к Салли, приоткрыл ее веко. Стивен грубо сказал: «Можете не беспокоиться, Герн. Она мертва». Герн ответил: «Я не о том. Меня интересует, почему она не сопротивлялась». Потом он обмакнул мизинец в кружку с какао, стоявшую на столике возле кровати. Она была наполовину пустой, жидкость подернулась пленкой. Пленка прилипла к пальцу, и он соскреб ее о край кружки, прежде чем положить палец в рот. Мы смот-

¹¹ Слова Фердинанда, героя драмы Джона Вебстера (1580–1625) «Герцогиня Малфийская»: «Лицо ее закройте, мои глаза ослепнуть могут — Столь юной умерла она... Босола Не думаю. Несчастье ее, Что прожила она так долго.

рели на него, словно он показывал нам фокусы. Мне показалось, что миссис Макси смотрела – да, с надеждой. Прямо как ребенок на празднике. Стивен спросил: «Ну что там?» Герн пожал плечами и ответил: «Лаборант скажет. Думаю, ей дали наркотик». После этого Дебора задыхалась словно рыба на песке и поплелась к дверям. Она побледнела как полотно, стало ясно, что ее тошнит. Я рванулась было к ней, но Герн сказал довольно резко: «Не волнуйтесь. Предоставьте ее мне». Он вывел ее из комнаты, и они пошли в ванную для прислуги рядом с комнатой Салли. Дебора меня ничуть не удивила. Я ждала, что она так отреагирует. В комнате остались я, миссис Макси и Стивен. Я предложила миссис Макси найти ключ, чтобы закрыть комнату, а она ответила: «Конечно. Верно, так полагается. И кажется, мы должны позвонить в полицию. Самый хороший аппарат в гардеробной». Она, думаю, хотела сказать, что оттуда говорить удобнее. Помню, я подумала: «Если мы позвоним из гардеробной, прислуга не станет подслушивать», позабыв, что «прислуга» – это Салли, а Салли больше никогда ничего не подслушает.

– Вы хотите сказать, что у мисс Джапп была привычка слушать чужие разговоры? – перебил ее инспектор.

– У меня всегда было такое ощущение, инспектор. Мне она всегда казалась коварной. Никогда не испытывала чувства благодарности, а ведь Макси столько для нее сделали. Она ненавидела миссис Рискоу, это уж безусловно. Это каждый видел. Думаю, вы уже в курсе истории с одинаковыми

платьями.

Дэлглиш выразил интерес к столь интригующей теме и был вознагражден точным описанием эпизода и реакцией, которую он вызвал.

– Вот вам и доказательство, что она была за штука. Миссис Рискоу сделала вид, что не приняла ее выходку близко к сердцу, но я-то заметила, каково ей. Она готова была убить Салли.

Довольная собой Кэтрин Бауэрз в приливе напускной скромности одернула на коленях юбку. Или она была отличной актрисой, или не отдавала себе отчет, что ведет себя несколько странно. Дэлглиш продолжал задавать вопросы, понимая теперь, что перед ним более крепкий орешек, чем он решил поначалу.

– Расскажите, что произошло, когда миссис Макси, ее сын и вы очутились в гостинной.

– Я как раз приближаюсь к этому моменту, инспектор. Я взяла Джимми из кровати и держала его на руках. Ведь это ужасно – оставить ребенка в комнате с мертвой матерью. Когда мы все вошли в комнату, он перестал плакать, не думая, чтобы кто-нибудь из нас вообще помнил о нем какое-то время. Потом я вдруг заметила его. Он подтянулся за перекладину кровати и повис над ней, мокрая пеленка сползла с него, а сам он с любопытством разглядывал нас. Слава Богу, он совсем мал, чтобы понять, что произошло, ему просто было интересно, с чего это мы все столпились вокруг мамии-

ной постели. Он успокоился и с радостью пошел ко мне на руки. Я взяла его с собой в гардеробную. Как только мы туда пришли, доктор Макси направился к аптечке. Он сказал: «Пропал!» Я спросила, о чем это он, – и он рассказал мне о снотворном. Именно тогда я услышала первый раз об этих таблетках. Я сказала ему, что пузырек был на месте, когда я брала утром аспирин. Пока мы разговаривали, миссис Макси прошла в спальню мужа. Она там была не больше минуты, а возвратясь, сказала: «Он в порядке. Спит. Вы еще не вызвали полицию?»

Стивен пошел к аппарату, я предложила забрать Джимми с собой – я переоденусь, а потом покормлю его. Мне никто не ответил, и я пошла к дверям. Перед тем как выйти, я оглянулась. Стивен положил руку на трубку, вдруг его матушка прикрыла его руку своей, и я услышала: «Подожди. Я должна знать правду». Стивен ответил: «Можешь не спрашивать. Я ничего не знаю. Клянусь!» Миссис Макси вздохнула и прикрыла глаза рукой. Потом Стивен поднял трубку, и я вышла из комнаты.

Она остановилась, посмотрела на Дэлглиша, словно ожидая от него комментариев или приглашая заговорить.

– Спасибо, – сказал он серьезным тоном. – Продолжайте.
– Мне мало что осталось вам рассказать, инспектор. Я понесла Джимми к себе, решив прихватить по дороге в ванной чистую пеленку. Миссис Рискоу и мистер Герн были все еще там. Ее вырвало, он помогал ей умыться. Мой приход

не очень обрадовал их. Я сказала: «Когда вам станет лучше, вам надо будет позаботиться о вашей матушке, простите, что напоминаю вам об этом. А я пригляжу за Джимми». Мне никто не ответил. Я нашла пеленку в сушильном шкафу, пошла к себе в комнату и перепеленала Джимми. Потом посадила его к себе на кровать, а сама переоделась. На все это ушло минут десять. Я отнесла его на кухню, дала ему яйцо всмятку с хлебом и маслом и теплого молока. Он чувствовал себя прекрасно. Марта стряпала тут же завтрак, но мы не разговаривали. К своему удивлению, я увидела там Герна. Он готовил кофе. А миссис Рискоу, вероятно, пошла к маме. ГERN тоже не склонен был беседовать. Он, видно, злился на меня за то, что я сказала миссис Рискоу. Как вы догадываетесь, она в его глазах сама добродетель. Они, судя по всему, не собирались обсуждать, что же делать дальше, и я решила взять все в свои руки, пошла в холл с Джимми и позвонила мисс Лидделл. Сообщила ей о случившемся и попросила забрать малыша, пока не прояснится ситуация. Она минут через пятнадцать приехала на такси, а потом прибыли доктор Эппс и полиция. Остальное вы знаете.

– Ваш рассказ был очень четким и полезным, мисс Бауэрз. Вы, должно быть, опытный наблюдатель, правда, не все опытные наблюдатели способны излагать факты с логической последовательностью. Не стану вас больше задерживать. Хотел бы только вернуться к началу ночи. Пока что вы описывали, и весьма четко, события вчерашнего вечера и се-

годняшнего утра. А сейчас попросил бы вас восстановить события, происходившие после девяти вечера. В это время, полагаю, вы все еще были в кабинете с миссис Макси, доктором Эппсом и мисс Лидделл. Начните, пожалуйста, с десяти часов вечера.

Впервые Дэлглиш уловил тень сомнения в ответе подозреваемой. До сих пор она отвечала на его вопросы с готовностью и легкостью, и он решил, что ответы ее слишком непосредственные и непринужденные, чтобы быть лживыми. До той минуты он верил, что беседа не раздражает Кэтрин Бауэрз. Если совесть нечиста, вряд ли станешь так непринужденно и связно рассказывать. А сейчас он чувствовал, что она перестала быть искренней, он наталкивался на скрытое напряжение, вызванное тем, что приходится переключаться на неприятные подробности. Она подтвердила, что мисс Лидделл и доктор Эппс отправились домой в десять тридцать. Их проводила миссис Макси, потом она вернулась к Кэтрин. Они вместе разобрали бумаги, заперли деньги в сейфе. Миссис Макси не сказала, что собирается поговорить с Салли. Они вообще не поминали ее. Заперев деньги, они пошли на кухню. Марта ушла к себе спать, оставив кастрюльку с молоком на плите и серебряный поднос с кружками на кухонном столе. Кэтрин помнит, что заметила, что кружки миссис Рискоу из веджвудского фарфора там не было, и еще подумала: должно быть, мистер Герн и миссис Рискоу вернулись из сада, только никто не заметил. Ей

и в голову не пришло, что ее могла взять Салли, хотя такие выходки – в ее стиле. Кружка доктора Макси стояла на подносе вместе со стаканом в подстаканнике, из которого пила миссис Макси, а также две большие чашки с блюдцами – для гостей. На столике – сахарница и две банки с молоком. Какао не было. Миссис Макси и Кэтрин взяли свое питье и отнесли в гардеробную мистера Макси, где его жена собиралась провести ночь. Кэтрин помогла ей перестелить постель больного и присела у камина, чтобы выпить свое молоко с шоколадом. Она вызвалась посидеть еще немного с миссис Макси, но предложение ее не было принято. Примерно спустя час Кэтрин пошла в свою комнату. Она спала в противоположном от Салли крыле дома. Раздевшись, она отправилась в халате в ванную и приблизительно четверть двенадцатого вернулась. Когда закрывала дверь, ей послышалось, что по лестнице вверх поднимаются Герн и Рискоу, но она в этом не уверена. До того времени она не видела и не слышала Салли. Тут Кэтрин замолкла, Дэлглиш ждал терпеливо, но со все растущим интересом. В углу кабинета в полной тишине сержант Мартин перелистнул страницу блокнота, искоса глянув на шефа. Может, он ошибается, но у старика уже начало покалывать в пальцах.

– Слушаю, мисс Бауэрз, – безжалостно торопил Дэлглиш. Свидетельница храбро продолжала:

– Боюсь, эта часть моего рассказа сейчас может выглядеть весьма странной, но тогда мне казалось все естественным.

Как вы понимаете, сцена перед ужином поразила меня. Я не могла поверить, что Стивен и эта девчонка помолвлены. В конце концов, не он предал огласке новость, и на какое-то мгновение мне даже показалось, что он вообще не делал ей предложения. Ужин, как вы можете себе представить, прошел ужасно, потом все вели себя так, будто ничего не произошло. Конечно, Макси никогда не выдают своих чувств, но миссис Рискоу ушла с Герном, и не сомневаюсь, они отвели душу – все обсудили и придумали, что можно предпринять. Но никто не сказал мне ни слова, хотя в каком-то смысле это больше всего касалось меня. Я думала, миссис Макси поговорит со мной после того, как ушли двое гостей, но потом поняла, что она не намерена этого делать. Когда я поднялась к себе в комнату, мне стало ясно, что если я ничего не предприму, то и никто палец о палец не ударит. Не могла я просто лежать у себя всю ночь, не узнав все до конца. Я должна была выяснить правду. Само собой напрашивалось – спросить у Салли. Я думала, если нам с ней поговорить с глазу на глаз, я все улажу. Понимала, что уже поздно, но у меня оставался один-единственный шанс. Я пролежала какое-то время в темноте, но, приняв решение, я включила свет и посмотрела на часы. Без трех минут двенадцать. Мне в моем состоянии показалось, что не так уж поздно. Надела халат, взяла карманный фонарик и отправилась к Салли. Ее дверь была заперта, но свет в комнате горел – пробивался из замочной скважины. Я постучала в дверь и тихонько позвала

ее. Дверь очень плотная, вы, верно, заметили, но она должна была услышать меня, потому что я тут же уловила, как щелкнула задвижка, свет в замочной скважине погас – она, видно, встала подле нее. Я постучала и снова позвала ее, но сомнений не было – она не собиралась пускать меня; и я пошла к себе. По пути я вдруг поняла: во что бы то ни стало я должна повидать Стивена, я не могла представить себе, что лягу, ничего не узнав. Я думала, он, наверно, ждет меня, хочет поделиться, обо всем рассказать, но самому прийти ко мне неловко. И вот я свернула от своей двери к его. Свет был погашен, я тихо постучала и вошла. Мне казалось, что стоит мне только увидеть его, и все уладится.

– И что же? – спросил Дэлглиш.

Время бодрой уверенности кончилось. В ее некрасивых глазах была боль, ошибки быть не могло.

– Его не было там, инспектор. Кровать была застелена на ночь, но его не было. – Она попыталась было вести себя как прежде и улыбнулась ему вымученной, неестественной улыбкой. – Теперь-то я знаю, что он сидел у Боукока, но тогда это меня подкосило.

– Представляю себе, – мрачно согласился Дэлглиш.

5

Миссис Макси сидела тихо и спокойно, она сказала инспектору, что к его услугам весь дом, но единственная прось-

ба – провести расследование так, чтобы не потревожить мужа, человека тяжело больного и неспособного уже осознать, что произошло. Сидя за письменным столом, Дэлглиш наблюдал за ней и думал, что через тридцать лет такой же, верно, станет ее дочь. Сильные, ловкие, украшенные драгоценностями руки недвижно лежали на коленях. Даже со своего места он видел, как они похожи на руки ее сына. Со все возрастающим интересом он заметил, что ногти она стрижет тоже очень коротко, как и сын. Ни малейшего признака нервозности. Она скорее воплощала собой мирное признание неизбежности этой процедуры. Нет, она не отрепетировала свою стойкость. Причина этой неподдельной безмятежности – во внутренней твердости, поколебать которую могло лишь нечто более серьезное, чем расследование по делу об убийстве. Она отвечала на его вопросы с преднамеренной вдумчивостью – такое впечатление, что она сама оценивала каждое слово. Но она не могла сказать ничего нового. Она подтвердила показания Кэтрин Бауэрз относительно того, как было обнаружено тело, а описание предыдущего дня совпало с уже услышанным им. После того как около половины одиннадцатого вечера мисс Лидделл и доктор Эппс ушли, она заперла все двери и окна в доме за исключением балконной в гостиной и черного хода. Мисс Бауэрз была с ней. Они взяли свои стакан и кружку на кухне – на подносе осталась только кружка сына – и вместе отправились спать. Ночь она спала плохо – прислушивалась, как там муж.

Ничего необычного она не заметила, не слышала ни шума, ни голосов. К ней никто не приходил, вот только мисс Бауэрз пришла рано утром и попросила аспирина. Она не знала о таблетках, которые якобы нашли в постели ее мужа; полагала, что история эта маловероятна. По ее мнению, он ничего не мог спрятать под матрасом, миссис Балтитафт непременно нашла бы. Ей сын ничего не рассказывал об этом инциденте, предупредил только, что заменил таблетки на другое лекарство. Ее это не удивило. Она решила, что он пробует какой-то новый препарат для своей больницы, хотя была уверена, что без согласия доктора Эппса он не станет прописывать отцу новое лекарство.

Спокойствие начало покидать ее, только когда Дэлглиш принялся неторопливо задавать вопросы, касающиеся помолвки ее сына. Но и тут – скорее раздражение, чем страх, изменило ее голос. Дэлглиш понимал, что вежливые извинения, которыми он предварял обычно щекотливые вопросы, не сработают. И он спросил прямо в лоб:

– Как вы отнеслись, мадам, к помолвке мисс Джапп и вашего сына?

– Это вряд ли продлилось бы долго, так что не стоит употреблять столь определенное слово. Меня удивляет, что вы тратите свое время на такие вопросы, инспектор. Вы и сами должны понимать – крайне неодобительно.

Что ж, она вполне откровенна, подумал Дэлглиш. Но что еще она могла сказать? Вряд ли кто-то поверил бы, что она

обрадовалась этой помолвке.

– Даже если ее чувство к вашему сыну было искренним?

– Я готова отдать ей должное – она притворилась, причем вполне убедительно, что она искренна. Но какое это имеет значение? У них ничего общего. Ему пришлось бы воспитывать чужого ребенка. Это испортило бы ему карьеру, а через год они возненавидели бы друг друга. Да и с чего бы им ужиться? Ни одна девушка с характером не допустит, чтобы к ней относились с высокомерием, а у Салли характерец дай боже, хотя она предпочитает не показывать его. К тому же не понимаю, на какие деньги они бы жили. У Стивена – жалкие заработки. Конечно же, я не одобрила эту так называемую помолвку. А вы бы пожелали такого брака собственному сыну?

На какое-то мгновение Дэлглишу показалось, что она знает. Обычный, почти банальный аргумент, к которому прибегла бы любая мать, попавшая в аналогичную ситуацию. Вряд ли она могла представить себе, какой эффект производят ее слова. Интересно, что бы она сказала, если бы он ответил: «У меня нет сына. Мой сын и его мать умерли через три часа после того, как он появился на свет. У меня нет сына, который мог бы жениться – сделав удачный или неудачный выбор»? Он представил себе, как это покорило бы миссис Макси – докучать ей откровенничаньем в подобные минуты, ведь горе его – давнее, личное, не имеющее ровным счетом никакого отношения к случившемуся. Он быстро ответил:

– Нет, я тоже бы не хотел. Простите, что отнял у вас столько времени, задавая вам вопросы на такую личную тему. Но вы, без сомнения, понимаете ее важность.

– Естественно. С вашей точки зрения, в ней заключен мотив преступления для нескольких людей, в том числе и для меня. Но ради того, чтобы избежать какого-либо осложнения, не совершают убийства. Я согласна, я готова была на все, чтобы помешать этому браку. Собиралась на следующий день переговорить со Стивенем. Не сомневаюсь, мы смогли бы сделать что-нибудь для Салли, не принимая ее в лоно нашей семьи. Надо ограничивать притязания такого сорта людей.

Внезапная горечь, прозвучавшая в последнем предложении, отвлекла даже сержанта Мартина – он перестал автоматически строчить и поднял голову. Но если миссис Макси поняла, что сказала слишком много, она не усугубила своей ошибки, сказав еще больше. «Точно акварельная картинка, рекламирующая туалетную воду или мыло», – подумал Дэлглиш. Низкая ваза с цветами на письменном столе, словно поставленная между ними ловкой рукой фотографа, подчеркивала ее аристократизм. «Портрет английской леди в домашней обстановке», – подумал он; интересно, во что она превратится, попав к шефу, если дело дойдет до этого, или попав в лапы присяжных? Даже воображение инспектора, привыкшего находить злой умысел у самых неожиданных людей, в том числе и аристократов, не могло с легкостью сов-

местить миссис Макси и убийство. Но ее последние слова говорили сами за себя.

Он решил на время оставить тему женитьбы и сосредоточился на других аспектах исследования. Снова он перешел к обсуждению вечернего горячего питья. Перепутать кружки было невозможно. Кружка из веджвудского голубого фарфора, найденная у постели Салли, принадлежала Деборе Рискоу. Молоко оставили на плите. Печь была с массивными боковыми плитами, топилась углем. Кастрюльку с молоком оставили на одной из них – тут оно выкипеть не могло. Если бы кто из домочадцев захотел вскипятить молоко, он подвинул бы ее на конфорку, а потом снова сдвинул бы вбок. На подносе стояли только кружки и чашки для гостей. Миссис Макси не могла сказать, что обычно пили на ночь Салли или миссис Балтитафт, но, без сомнения, никто из ее семьи какао не пил. Шоколад они тоже не любили.

– И вот что получается, – сказал Дэлглиш. – Если, как я сейчас полагаю, эпикриз покажет, что мисс Джапп приняла снотворное, а анализ какао выявит, что препарат был в ее последнем ночном питье, тогда перед нами два варианта. Либо она сама приняла таблетку, может, без всякой дурной мысли, просто чтобы заснуть после волнений дня. Или же кто-то другой дал ей снотворное; причину, побудившую его сделать это, мы должны установить, но догадаться нетрудно. Мисс Джапп, всем известно, была сильной, молодой женщиной. Если это преступление замышлялось заранее, ее убийца дол-

жен был подумать, как он – или она – попадет в дом и убьет девушку без лишнего шума. Дать ей снотворное – самый легкий путь. А это означает, что убийца знаком с обычаем обитателей дома пить что-нибудь на ночь и знал, где хранятся таблетки. Я думаю, любой член вашего семейства или любой гость знает об этом ритуале.

– Но в таком случае он также знает, что веджвудская кружка принадлежит моей дочери. Вы убеждены, инспектор, что наркотик предназначался для Салли?

– Не совсем. Но я убежден, что убийца не спутал шею мисс Джапп с шеей миссис Рискоу. Давайте пока что сойдемся на том, что снотворное было предназначено мисс Джапп. Его могли положить в кастрюльку с молоком или в саму кружку веджвудского фарфора до того, как было приготовлено питье, или после, а также в банку с какао или в сахар. Вы и мисс Бауэрз налили себе молока из одной и той же кастрюли, насыпали сахару из одной и той же сахарницы со стола, и никаких последствий не было. Не думаю, чтобы снотворное положили в пустую кружку. Таблетка коричневатая, и сквозь голубой фарфор ее легко было бы заметить. Остается два варианта. Или ее растолкли в сухое какао, или же бросили в горячий напиток вскоре после того, как мисс Джапп приготовила его, но до того, как она его стала пить.

– Не думаю, что последнее возможно, инспектор. Миссис Балтитафт всегда готовит горячее молоко в десять вечера. Приблизительно двадцать минут спустя мы увидели, как

Салли несет кружку к себе.

– Кто это «мы», миссис Макси?

– Доктор Эппс, мисс Лидделл и я; я поднялась с мисс Лидделл наверх, чтобы взять ее пальто. Когда мы вернулись в холл, к нам присоединился доктор Эппс, который вышел из кабинета. Пока мы там стояли, Салли вышла из той половины дома, где у нас кухня, и стала подниматься по главной лестнице с веджвудской кружкой на блюде. Она была в пижаме и халате. Мы все увидели ее, но никто не заговорил с ней. Мисс Лидделл и доктор Эппс тотчас же ушли.

– Мисс Джапп всегда поднималась по этой лестнице?

– Нет, черная лестница ведет из кухни прямо в ее комнату. Это было намеренно.

– Хотя она не могла знать, что встретит кого-нибудь в холле.

– Я думаю, не могла.

– Вы говорите, будто заметили, что мисс Джапп несет кружку миссис Рискоу. Вы сказали об этом кому-нибудь из ваших гостей или сделали мисс Джапп замечание?

Миссис Макси чуть заметно улыбнулась. Во второй раз она выпустила свои коготки.

– Какие у вас старомодные понятия, инспектор! Вы что, думали, я вырву у нее эту кружку, к изумлению моих гостей и к радости самой Салли? Каким уродливым и страшным предстает перед вами мир!

Дэлглиш оценил глубину иронии. Но ему хотелось убе-

диться, что его свидетельницу можно спровоцировать.

– Что произошло после того, как мисс Лидделл и доктор Эппс ушли?

– Я пошла в кабинет с Кэтрин Бауэрз, где мы привели в порядок бумаги и спрятали в сейф мешочки с деньгами. Потом пошли на кухню и приготовили себе питье. Я налила горячего молока, а мисс Бауэрз – шоколадный напиток. Она любит очень сладкий и насыпала себе сахара. Мы отнесли питье в гардеробную, которая рядом с комнатой мужа, я там ночую, когда дежурю подле него. Мы провели, по-моему, минут двадцать вместе. Потом она пожелала мне спокойной ночи и ушла.

– Выпив свой шоколад?

– Да. Он был горячий, залпом не выпьешь, но она села и допила, а потом уже ушла.

– Подходила ли она к аптечке, пока была у вас?

– Нет, никто из нас не подходил. Мой сын раньше дал отцу какое-то снотворное, и тот дремал. Делать нам ничего для него не надо было, только перестелили постель поудобнее. Я была рада, что мисс Бауэрз помогает мне. Она опытная сиделка, вместе мы легко справились с постелью, не потревожив его.

– Какие отношения у мисс Бауэрз с доктором Макси?

– Насколько мне известно, мисс Бауэрз дружна с обоими моими детьми. Поэтому вам лучше задать этот вопрос им и мисс Бауэрз.

– Вы не знаете, они не собирались пожениться?

– Я ничего не знаю об их личных отношениях. Но думаю, это маловероятно.

– Спасибо, – сказал Дэлглиш. – Я хотел бы побеседовать сейчас с миссис Рискоу, будьте любезны, пришлите ее ко мне.

Он встал, чтобы открыть дверь для миссис Макси, но она не пошевелилась. Она сказала:

– Я все-таки думаю, Салли сама приняла таблетку. Иного логичного объяснения нет. Но если кто-то другой сделал это, тогда я согласна с вами – таблетку положили в сухое какао. Простите, разве это нельзя выяснить, отдав на анализ содержимое банки?

– Мы могли бы это выяснить, – ответил Дэлглиш мрачно, – но пустую банку нашли в ведре для мусора. Она была вымыта. Бумага, которая была внутри, выброшена. Скорее всего сожжена в кухонной плите. Кто-то все предусмотрел.

– Очень хладнокровная леди, сэр, – сказал сержант Мартин, когда миссис Макси вышла. И добавил с юмором, что было редкостью для него: – Сидела, точно кандидат от либералов в ожидании подсчета голосов на выборах.

– Да, – согласился вяло Дэлглиш, – но с абсолютной уверенностью, что ее партия ее не подведет. Что ж, послушаем, что остальные нам скажут.

«В последний раз я был совсем в другой комнате», — подумал Феликс, та комната тоже была тихой и мирной. Висели картины, стоял массивный стол красного дерева, похожий на тот, за которым сейчас сидел Дэлглиш. Также стояли цветы, маленький букетик в вазочке, чуть больше чайной чашки. Все в той комнате дышало уютом и комфортом, даже мужчины за столом с пухлыми белыми руками и смеющимися глазами за толстыми стеклами очков. Господи, сколько же допросов там провели, чтобы докопаться до правды, четко продуманных допросов, которые требовали весьма небогатой техники! Он заставил себя вернуться в настоящее и взглянуть на человека за столом. Сложенные руки были не такими пухлыми, глаза потемнее и менее добрыми. В комнате сидел еще один человек, он тоже был английским полицейским. Это был Мартингейл. Англия.

Пока все шло не так уж плохо. Дебора отсутствовала полчаса. Вернувшись, прошла к своему стулу, не взглянув на него, а он, также молча, встал и направился за полицейским в кабинет. Хорошо, что сдержался, не стал пить перед допросом, а сейчас отказался от сигареты, которую предложил Дэлглиш. Старый трюк! На этом его не поймаешь! Он не собирается раскалываться, показывать, как он психует. Если удастся сдержаться, все будет отлично.

Терпеливый человек за письменным столом просматривал записи.

– Спасибо. Пока что все ясно. А теперь давайте немного вернемся назад. После кофе вы помогли миссис Рискоу помыть посуду. Приблизительно в девять тридцать вечера вы оба вернулись в эту комнату, где миссис Макси, мисс Лидделл и доктор Эппс подсчитывали выручку после праздника. Вы сказали им, что идете с миссис Рискоу прогуляться, и попрощались с мисс Лидделл и доктором Эппсом, которые к вашему возвращению должны были покинуть Мартингейл. Миссис Макси обещала оставить открытой балконную дверь в гостиной и попросила запереть ее, когда вы вернетесь. Об этом слышали все присутствовавшие?

– Насколько мне известно, все. Никто эти слова никак не откомментировал, потому что все были заняты подсчетом денег. Сомневаюсь, дошел ли до них смысл сказанного.

– Странно, что дверь в гостиной вам оставили открытой, ведь дверь черного хода тоже была незаперта. Это Стаббс на стене позади вас? В доме несколько отличных вещей, которые легко унести.

Феликс не повернул головы.

– Культурный фараон! Я думал, такие только в детективных романах бывают. Поздравляю! Но Макси не рекламируют свои богатства. Соседей не стоит бояться. По этому дому бродят все кому заблагорассудится вот уже три сотни лет. Замками и засовами здесь не увлекаются, разве что парад-

ную дверь запирают. Ее закрывает на щеколду и засов каждый вечер Стивен Макси или его сестра, это как бы имеет некий эзотерический смысл. А во всем остальном они весьма беспечны. В этом и во многом другом они, видно, полагаются на нашу изумительную полицию.

– Прекрасно! Вы пошли в сад с миссис Рискоу около половины десятого вечера и гуляли там вдвоем. О чем вы говорили, мистер Герн?

– Я попросил миссис Рискоу выйти за меня замуж. Через два месяца я уезжаю в Канаду, в нашу торговую фирму, и я подумал, что неплохо было бы соединить бизнес с медовым месяцем.

– И миссис Рискоу приняла ваше предложение?

– Как мило с вашей стороны, что вам это интересно, инспектор, но боюсь, я должен вас разочаровать. Вам может показаться необъяснимым, но миссис Рискоу не выказала никакого энтузиазма.

Воспоминания захлестнули его. Темнота, дурманящий запах роз, жаркие быстрые поцелуи, выражавшие скорее его острую потребность в ней, но не страсть; он это сам понимал. А потом вялость и скука в ее вопросе: «Замуж, Феликс? Не слишком ли много разговоров о свадьбах в нашей семье? Господи, как я мечтаю, чтобы она умерла!» Он тогда понял, что сглупил, слишком рано завел этот разговор. Время и место не те выбрал. Может, и слова были не те? А что же именно она на самом деле хотела? Голос Дэлглиша вернул его

к настоящему:

– И сколько времени вы пробыли в саду, сэр?

– Я мог бы заверить вас, что время перестало для меня существовать, это было бы, так сказать, куда эффективнее. Но в интересах вашего расследования тем не менее сообщаю, что мы очутились в гостиной без четверти одиннадцать. Часы с боем, которые висят над камином, били без четверти одиннадцать, когда я закрыл дверь и задвинул щеколду.

– Эти часы на пять минут спешат, сэр. Продолжайте, пожалуйста.

– В таком случае мы вернулись без двадцати. Я не смотрел на свои часы. Миссис Рискоу предложила мне виски, но я отказался. И от молока отказался, а она пошла на кухню за своим. Она вернулась через несколько минут и сказала, что передумала. Еще она сказала, что ее брат, видно, еще не вернулся. Мы поболтали, условились, что в семь утра на следующий день поедem покататься верхом. Потом пошли спать. Я спал неплохо. Насколько я знаю, миссис Рискоу тоже. Утром я оделся и ждал ее в холле, когда услышал, что меня зовет Стивен Макси. Просил помочь ему с лестницей. Остальное вам известно.

– Вы убили Салли Джапп, мистер Герн?

– Нет, насколько мне известно.

– Что вы хотите этим сказать?

– Хочу сказать, что мог бы сделать это в состоянии беспмятства, но это предположение вряд ли имеет практическое

значение.

– Думаю, подобную версию следует отклонить. Мисс Джапп была убита человеком, который – или которая – знал, что он делает. А кто убийца, как вы думаете?

– Вы думаете, я в состоянии всерьез отнестись к этому вопросу?

– Я считаю, вы ко всем вопросам должны относиться всерьез. Убита молодая мать. Я намерен найти убийцу, не трата зря времени – ни своего, ни чужого, и я надеюсь на вашу помощь.

– Понятия не имею, кто убил ее, и сомневаюсь, сказал ли бы я, если бы знал. Не разделяю я вашей любви к абстрактной справедливости. Тем не менее я готов помочь вам – а именно, указать на отдельные факты, которые вы, со своей страстью к долгим допросам подозреваемых, могли как-то проглядеть. Кто-то залез через окно девчонки. У нее на подоконнике стояли стеклянные зверушки, которые разбросал убийца. Окно было открытым, а волосы у нее – влажными. Прошлой ночью шел дождь с половины первого до трех. Думаю, ее убили до половины первого, иначе она закрыла бы окно. Малыш проснулся как обычно. Соответственно, гость не шумел. Непохоже, чтобы в комнате произошла бурная ссора. Предполагаю, что Салли сама пустила своего гостя в комнату через окно. Он, может, лез по стремянке. Она, безусловно, знала, где стоит стремянка. Вероятно, они условились о встрече. А вот почему ее убили – это требует раз-

гадки. Я не знал ее близко, но она никогда не казалась мне слишком сексуальной или девицей легкого поведения. Человек этот, быть может, любил ее, и, когда она сказала о своем намерении выйти замуж за Стивена Макси, он убил ее в приступе ревности или гнева. Не верю, что это было преднамеренное убийство. Салли закрыла дверь, чтобы им никто не мешал, и мужчина вылез в окно, не открывая двери. Он, может, и не подозревал, что она закрыта. А если бы знал, он бы, наверно, отпер ее, чтобы замести следы. Эта запертая дверь – серьезное для вас разочарование, инспектор. Даже вы с трудом можете представить себе, как кто-нибудь из членов семьи карабкается по стремянке, чтобы попасть в собственный дом и выбраться из него. Я знаю, как приковывает ваше внимание эта самая помолвка Макси и Джапп, но можете не напоминать мне о том, что, если бы мы вынуждены были совершать убийство всякий раз, когда надо избавиться от помолвки с кем-то, смертность среди женщин была бы очень высокой.

Феликс понимал, произнося монолог, что делает ошибку. Страх загнал его в ловушку – он снова взбесился и распустил язык. Сержант смотрел на него смиренным и немного жалостным взглядом человека, который на своем веку повидал много людей, выставлявших себя дураками, но тем не менее всякий раз надеется, что болван возьмет себя в руки. Дэлглиш заговорил мягко:

– Я считал, что вы хорошо провели ночь. А вы говорите,

что дождь шел от половины первого до трех.

– Я хорошо ее провел.

– Значит, вы страдаете от бессонницы? А что вы принимаете?

– Виски. Но в чужом доме редко.

– Вы рассказывали, как было обнаружено тело и как вы пошли в ванную комнату с миссис Рискоу, а доктор Макси – звонить в полицию. Спустя какое-то время миссис Рискоу пошла к своей матери. А что вы после этого делали?

– Я подумал, что надо бы сходить к миссис Балтитафт, посмотреть, как она там. Вряд ли кто-нибудь захочет завтракать, но ясно было как божий день, что кофе понадобится прорва, да и сэндвичи не помешают. Она была в трансе, все причитала, что Салли, верно, сама на себя руки наложила. Я растолковал ей, как можно деликатней, что с анатомической точки зрения это не представляется возможным, отчего она еще больше стала убиваться. Сначала она глянула на меня испытующе, точно на незнакомца, и потом принялась навзрыд рыдать. Мне удалось успокоить ее, тут и мисс Бауэрз явилась с малышом и очень ловко покормила его завтраком. Марта взяла себя в руки, и мы принялись готовить кофе и завтрак для господина Макси. К этому времени прибыла полиция, и нам велено было ждать в гостиной.

– Миссис Балтитафт разрыдалась тогда в первый раз, дав волю своему горю?

– Горю? – Возникла чуть заметная пауза. – Она просто

была очень напугана, как все мы.

– Спасибо, сэр. Вы нам очень помогли. Ваши показания будут отпечатаны, а потом попрошу вас перечитать их и, если вас все устроит, расписаться. Захотите мне что-нибудь еще сообщить, милости прошу. Я буду здесь. Если вы возвращаетесь в гостиную, пожалуйста, пригласите ко мне миссис Балтитафт.

Это было приказание, а не просьба. У дверей Феликс услышал снова тихий голос:

– Вы вряд ли удивитесь, услышав, что ваши показания почти дословно совпадают с показаниями миссис Рискоу. За одним исключением. Миссис Рискоу сказала, что вы провели почти всю ночь в ее комнате, а не в своей. Она сказала на самом деле, что вы спали вместе.

Феликс остановился. Секунду-другую он смотрел на дверь, потом повернулся и посмотрел на мужчину за письменным столом.

– Очень мило со стороны миссис Рискоу, но мою жизнь это осложняет, верно? Боюсь, вам самому предстоит разобраться, кто из нас лжет, инспектор.

– Спасибо, – сказал Дэлглиш. – Я уже разобрался.

7

Дэлглишу на своем веку довелось частенько встречать таких Март, с ними говорить легко. Они заботятся о хлебе

насушном, о быте, по горло заняты черной работой, которую должен ведь кто-то исполнять, чтобы другие могли печься о своей душе. Они находят своим собственным скромным эмоциональным потребностям удовлетворение в работе. Они – преданные, работающие, честные и дают полезные показания, потому что лишены воображения и не привыкли лгать. Они могут мешать, если решат защищать тех, кому преданы, но эту явную опасность можно предусмотреть. Он не ждал никаких осложнений с Мартой. Когда он начал с ней беседовать, то с раздражением обнаружил, что ее кто-то уже натаскал. Она будет точна, почтительна, но выудить из нее информацию будет дьявольски трудно. Марту натаскали, не велика загадка, кто именно постарался. Дэлглиш терпеливо вел допрос.

– Итак, вы готовите и помогаете ухаживать за мистером Макси. Нелегкая забота. Это вы предложили миссис Макси нанять мисс Джапп?

– Нет.

– А кто, не знаете?

Марта помолчала, словно обдумывая, как бы не позволить себе лишнее.

– Должно быть, мисс Лидделл. А может, мэм сама решила. Не знаю.

– Но я полагаю, что миссис Макси сначала обсудила это с вами, а потом уже наняла девушку.

– Она только сказала, а решала все сама.

Дэлглиша начало раздражать это раболепие, но голос его не изменился.

За ним этого не водилось – терять самообладание, допрашивая свидетеля.

– Миссис Макси и раньше приглашала на работу мать-одиночку?

– Да о таком раньше и подумать никто не смел! Все наши горничные поступали к нам с безупречными характеристиками.

– Так что это, эксперимент? И как по-вашему, удачный? Вы больше всех прочих общались с мисс Джапп. Какой она была?

Марта не ответила.

– Вы были довольны тем, как она работает?

– Вполне. Поначалу, во всяком случае.

– А почему вы изменили свое мнение? Может, потому, что она спала подолгу?

Упрямые глаза под тяжелыми веками неожиданно забежали.

– Она кое-что похуже себе позволяла, чем спать допоздна.

– Что же?

– Нахальной стала.

– Да, для вас это было испытанием, должно быть. Так с чего же мисс Джапп стала нахальной?

– Девчонки все такие. Начинают тихонями, а потом ведут себя точно хозяйки дома.

– Может, Салли Джапп думала, что в один прекрасный день она станет хозяйкой дома?

– В таком случае она спятила.

– Но ведь доктор Макси сделал ей предложение в субботу вечером.

– Ничего об этом не знаю. Доктор Макси не мог жениться на Салли Джапп.

– Кто-то и впрямь сделал это невозможным, верно? А как вы думаете, кто?

Марта не ответила. Что тут скажешь? Если Салли Джапп убита по этой причине, круг подозреваемых весьма узкий. Дэлглиш начал допрашивать ее, требуя утомительных подробностей о событиях, происшедших в субботу днем и вечером. О празднике она мало что могла сказать. Она в нем участия не принимала, прошла один раз по саду перед тем, как дать ужин мистеру Макси и перестелить поудобнее постель. Когда она вернулась на кухню, Салли только что покормила Джимми и понесла купать – ванночка была в комнате за кухней, а в раковине стояли тарелка и кружка малыша. Девушка больше не появилась, Марта не стала времени терять на ее поиски. Господа сами ужинали, на ужин была только холодная закуска, и миссис Макси не позвала ее. Потом миссис Рискоу и мистер Герн пришли помочь помыть посуду. Они не спрашивали, вернулась ли Салли. Никто о ней не говорил. Все больше о празднике говорили. Мистер Герн смеялся и шутил с миссис Рискоу, пока они посу-

ду мыли. Очень веселый джентльмен. Но ждать и помогать с горячими напитками не стали. Их поздно готовят. Банка с какао была в буфете вместе с другими бакалейными продуктами, ни миссис Рискоу, ни мистер Герн не заглядывали в буфет. Она из кухни не уходила, пока они там были.

Когда они ушли, она включила на полчаса телевизор. Нет, она не беспокоилась из-за Салли. Девушка придет, когда захочет. Примерно без пяти десять Марта поставила кастрюльку с молоком на край плиты, чтобы оно медленно грелось. Она так обычно делает, чтобы пораньше пойти спать. Приготовила кружки на подносе. Еще большие чашки и блюда, если кто из гостей пожелает горяченького на ночь. Салли прекрасно знала, что из голубой кружки пьет миссис Рискоу. Да все в Мартингейле знали. Молоко согрелось, и Марта пошла спать. В постель легла, еще половины одиннадцатого не было, ночью ничего такого не слышала. Утром пошла будить Салли и обнаружила, что дверь закрыта. Она пошла к мэм. Остальное он знал.

Больше сорока минут угробил Дэлглиш на то, чтобы вытащить эту ничем не примечательную информацию, но нетерпения не проявлял. Теперь подошли к тому моменту, когда было обнаружено тело. Важно было сопоставить показания Кэтрин Бауэрз и Марты. Если они совпадут, по крайней мере одна из его рабочих гипотез правильная. Показания совпали. Он терпеливо расспрашивал о пропавших таблетках снотворного. Но здесь удача изменила ему. Марта Балтитафт не

верила, что Салли нашла таблетки в постели хозяина.

— Салли все норовила сделать вид, что ухаживает за хозяином. Может, она когда и сидела ночью, если мэм больно усталая была. Но он никого, кроме меня, к себе не подпускал. Я все самое тяжелое делаю. Если бы что было припрятано в постели, я бы нашла.

Это был самый длинный монолог из всех, что она произнесла. Дэлглишу он показался убедительным. Под конец он спросил ее о пустой банке из-под какао. Она снова говорила тихо, без экзальтации, но с уверенностью. Она нашла пустую банку на кухонном столе, когда спустилась приготовить утренний чай. Сожгла бумагу, что внутри, вымыла банку и бросила ее в мусор. Почему она сначала помыла ее? Потому что мэм не любит, когда грязные или жирные банки бросают в ведро, банка из-под какао не была, конечно, жирной, но это не имеет значения. Все использованные консервные банки в Мартингейле моют. А почему бумагу сожгла? Она не могла помыть банку с бумагой, ведь так? А когда банка стала пустой, она ее вымыла и выбросила. По ее тону ясно было, что ни один здравомыслящий человек не поступил бы по-другому.

Дэлглиш ума не мог приложить, как перепроверить эту историю. Сердце замирало при мысли, что придется допрашивать миссис Макси о том, каким обычно методом пользуются Макси, когда хотят избавиться от использованных консервных банок. Снова он почувствовал, что Марту натаска-

ли. И все-таки он нашел конец клубка. Его ангельское терпение, которое не подвело его на протяжении последнего часа, было вознаграждено.

Глава пятая

1

Приют Святой Марии находился примерно в миле от центральной части деревни – уродливое здание из красного кирпича с множеством башенок и коньков, в стороне от дороги, в зарослях лаврового куста. Подъездная аллея из гравия вела к парадным дверям, молоток от бесконечного пользования блестел точно полированный. На всех окнах белели белоснежные сетчатые занавески. Узкие каменные ступеньки вели вниз, на квадратный газон, где сгрудилось несколько колясок. Им открыла дверь горничная в наколке и фартучке – наверное, тоже мамаша, подумал Дэлглиш – и провела их в тесную комнатку налево. Она растерялась, не знала, что делать, не могла запомнить имени Дэлглиша, хотя он повторил его дважды. Беспомощно топчась на пороге, она тупо разглядывала его большими глазами сквозь стекла очков в стальной оправе.

– Не беспокойтесь, – сказал Дэлглиш дружелюбно, – сообщите мисс Лидделл, что двое полицейских из Мартингейла хотят ее видеть. Мы ей объясним цель нашего приезда.

– Простите, я должна сообщить ваши имена. Меня готовят к работе горничной.

Ее мучили отчаянное упрямство, страх перед мисс Лидделл и смущение, что она очутилась в комнате с двумя неизвестными мужчинами, да к тому же полицейскими. Дэлглиш протянул ей свою визитную карточку:

– Вот вручите ей. Пусть будет все по правилам этикета. И не волнуйтесь вы так. Из вас получится прекрасная горничная. Теперь они на вес золота.

– Но не те, кто в подоле младенца принес, – сказал сержант Мартин, когда хрупкая фигурка исчезла за дверью, еле слышно прошептав что-то похожее на «спасибо». – И как такая уродина попала сюда?! Потерянная какая-то. Кто-то, видно, все же не упустил случая.

– Она из числа тех, кто сам не упускает своего случая с той минуты, как появляется на свет.

– И напугана до смерти. Мисс Лидделл держит девчонок в ежовых рукавицах.

– Прекрасно к ним относится, согласно ее меркам. Впрочем, на ее работе легко стать сентиментальной, с кем только не приходится иметь дело. Здесь нужно запастись надеждой, верой и милосердием. Другими словами, надо быть святой, но вряд ли мисс Лидделл можно причислить к лику святых.

– Да, сэр, – сказал сержант Мартин. И тут же подумал, что к ситуации скорее бы подошло «нет, сэр».

Не подозревая, что произнес святотатственную фразу, Дэлглиш медленно пошел по комнате. Она была удобной, но скромной, вот только слишком много, подумал инспектор,

личных вещей мисс Лидделл. Дерево сияло – так все было отполировано. Спинет¹² и столик розового дерева, казалось, пышут жаром, столько усердия и энергии было затрачено на них. Единственное большое окно, выходящее на газон, было задернуто кретоновыми занавесками в цветочек, и солнце не попадало в комнату. Ковер, хоть и повидавший виды, относился не к числу тех, что обычно стелют в присутственных местах, какими бы демократичными и общедоступными они ни были. Комната во всем носила отпечаток мисс Лидделл, словно она была владелицей этого дома. Вдоль стен висели фотографии малышей. Малыши лежали голенькими на ковриках, беспомощно и бессмысленно повернув головки к фотообъективу, беззубо улыбались из ванночек и кроваток. Одетые в шерстяные вещички, они улыбались на руках своих мам. Один-два лежали, свернувшись комочком, на руках смущенных мужчин. Это, видно, счастливчики, заполучившие официальных отцов. Над небольшим письменным столом красного дерева висела в рамке фотография женщины за прялкой, внизу была надпись: «От имени Комитета за моральное процветание Чадфлита и района – мисс Алисе Лидделл, смотрительнице приюта Святой Марии, в честь двадцатилетия преданной службы». Дэлглиш и Мартин посмотрели на фотографию одновременно.

– Я бы не назвал эту комнату приютом, – сказал сержант. Дэлглиш еще раз обвел взглядом обстановку, бережно

¹² Разновидность клавикордов.

хранимые свидетельства детства мисс Лидделл.

– Такое впечатление, что это дом одинокой женщины. И она прожила в нем лет двадцать. Да она на что угодно способна, лишь бы ее отсюда не выгнали.

Сержант Мартин не смог ответить, ибо в комнату вошла упомянутая леди. Мисс Лидделл на родной почве всегда чувствовала себя спокойнее. Она сдержанно пожала им руки и извинилась, что заставила себя ждать. Взглянув на нее, Дэлглиш понял, что она замешкалась, пудрясь и собираясь с духом. По всему было видно, что, если позволят обстоятельства, она намерена отнестись к их визиту как к светскому, и, разыгрывая из себя неопытную хозяйку, предложила им сесть. Дэлглиш отказался от чая, осмотрительно избегая полного упрека взгляда сержанта. Мартин покрылся испариной. Лично он полагал, что педантичность при допросе потенциального подозреваемого может очень далеко завести, а чашка горячего чая в такой жаркий день несколько не помешает правосудию.

– Мы постараемся не задерживать вас долго, мисс Лидделл. Уверен, вы догадались, что я расследую дело об убийстве Салли Джапп. Как я понимаю, вчера вечером вы ужинали в Мартингейле. Вы были также и на празднике вчера днем и, конечно же, знали мисс Джапп, ведь она жила в приюте Святой Марии. Есть один-два момента, которые, я надеюсь, вы могли бы разъяснить.

При последних словах Дэлглиша мисс Лидделл вздрогну-

ла, а когда сержант Мартин почти с покорным видом достал свой блокнот, Дэлглиш заметил, что она быстро облизнула губы, а ее руки едва ощутимо напряглись – теперь она была начеку.

– Я целиком к вашим услугам, инспектор, я не ошиблась, вы – инспектор? Конечно, я знала Салли очень хорошо, и происшедшее с ней потрясло меня. Всех нас. Но боюсь, не смогу быть вам полезной. Я не очень способна замечать и запоминать. Обидно, конечно, но не все рождаются детективами. Верно? – Нервный смешок был чуть-чуть тоньше обычного, чтобы сойти за естественный.

«Ну и напугали же мы старуху, – подумал сержант Мартин. – Но тут кое-что кроется».

– Давайте начнем с самой Салли Джапп, – сказал Дэлглиш мягко. – Как я понимаю, она жила здесь последние пять месяцев беременности и вернулась сюда после родов из больницы. Жила, пока не начала работать в Мартингейле, тогда ее малышу было четыре месяца. До того она помогала по дому. Вы, должно быть, узнали ее очень хорошо за это время. Она нравилась вам, мисс Лидделл?

– Нравилась? – Она нервно засмеялась. – Ну не странный ли это вопрос, инспектор?

– Разве? А почему?

Она попыталась скрыть смущение и ответить на вопрос, все продумав и взвесив.

– Даже и не знаю, что сказать. Если бы вы задали мне этот

вопрос неделю назад, я бы не задумываясь сказала, что Салли – отличная работница и замечательная девушка, которая из всех сил старается заслужить прощение за свою ошибку. Но теперь меня мучают сомнения – может, ошиблась я в ней, может, она лицемеркой была. – Она говорила с печалью специалиста, чьи неоспоримые суждения оказались на поверку ложными. – Боюсь, мы никогда теперь не узнаем, искренней она была или нет.

– Вы подразумеваете под словом «искренняя» была ли она действительно влюблена в Стивена Макси?

Мисс Лидделл грустно покачала головой:

– По тому, как она все это преподнесла, ни за что не скажешь. Никогда в жизни я не испытывала такого ужаса, инспектор, никогда. Конечно, не имела она права принимать его предложение, что бы она к нему ни чувствовала. Встала у окна и сообщила нам свою новость, победительница, да и только. Он совсем растерялся, побелел как полотно. Тяжелые минуты выпали бедняжке миссис Макси. До конца дней своих не прощу себе. Ведь это я рекомендовала Салли в Мартингейл, вы же знаете. Мне это казалось прекрасной перспективой для нее, во всех отношениях прекрасной. И на тебе.

– Значит, вы верите, что смерть Салли Джапп непосредственно связана с ее помолвкой с мистером Макси?

– Да, похоже на то.

– Согласен, ее смерть кому-то на руку, у кого было осно-

вание отнести враждебно к предполагаемой женитьбе. Семейству Макси, к примеру.

Лицо мисс Лидделл вспыхнуло.

– Но это нелепо, инспектор! Как можно сделать такое чудовищное предположение! Чудовищное! Конечно, вы плохо знаете эту семью, не то что мы, но поверьте: подобная версия – дикость. Как можно было подумать, что я их имела в виду! Мне лично абсолютно ясно, что произошло. Салли всю крутила с кем-то, кого мы не знаем, и когда парень услышал о помолвке, потерял над собой контроль. Он ведь влез в окно, верно? Так мне мисс Бауэрз сказала. Вот вам и доказательство, что это не член семьи.

– Убийца, не исключено, вылез из окна. Но мы пока не знаем, как он – или она – попал в комнату.

– Ну можно ли вообразить, что миссис Макси спускается вниз по стене?! Она не в состоянии это сделать.

– Я ничего не воображаю. Лестница была на своем обычном месте, и ею мог воспользоваться любой. Ее могли приставить к стенке заранее, даже если убийца проник в комнату через дверь.

– Но Салли слышала бы. Даже если бы лестницу приставляли очень тихо. Или она могла выглянуть из окна и увидеть ее.

– Может быть. Если бы она не спала.

– Я не понимаю вас, инспектор. Вы, похоже, подозреваете эту семью. Если бы вы только знали, сколько они сделали для

девчонки.

– Я был бы рад узнать. А вам следует понять меня правильно. Я подозреваю каждого, кто знал мисс Джапп и у кого нет алиби. Поэтому я сейчас здесь.

– Вы знаете, очевидно, где и когда я была. Не собираюсь из этого делать секрета. Доктор Эппс подвез меня. Мы уехали из Мартингейла примерно в половине одиннадцатого. Я кое-что записала здесь, в этой комнате, потом прогулялась по саду. Около одиннадцати легла спать, для меня это довольно поздно. Я услышала о чудовищном событии, когда заканчивала завтрак. Позвонила мисс Бауэрз и спросила, не смогу ли я забрать Джимми ненадолго, пока они не решат, что с ним делать дальше. Естественно, я оставила девушек на мисс Поллак, свою заместительницу, и тотчас же поехала в Мартингейл. Позвонила Джорджу Хопгуду и попросила его подогнать такси.

– Вы сказали ранее, что известие о помолвке мисс Джапп с мистером Макси послужило причиной ее смерти. Но как эти новости узнали в деревне? Мне пояснили, что мистер Макси сделал ей предложение в субботу вечером, так что ни одному человеку, кто не был у них в доме после этого, не могло стать известно о помолвке.

– Доктор Макси, может, и сделал предложение в субботу, но, без сомнения, девчонка решила подцепить его куда раньше. Что-то у нее случилось, я уверена в этом. Я видела ее на празднике, она весь день пылала от возбуждения. А вам

рассказывали, что она вырядилась в точно такое, как у миссис Рискоу, платье?

– Вы даже не допускаете мысли, что у нее мог быть еще какой-то мотив?

– Просто это доказывает, в каком направлении у нее работали мозги. Будьте уверены, Салли получила по заслугам. Мне просто очень жалко Макси – по ее вине они оказались втянуты в такую неприятную историю.

– Вы сказали, что легли спать около одиннадцати, погуляв в саду. Может кто-нибудь подтвердить ваши слова?

– По-моему, меня никто не видел, инспектор. Мисс Поллак и девочки ложатся спать в десять. У меня, естественно, свой ключ. Вообще-то я к таким прогулкам не привыкла, но очень уж разнервничалась. Не могла не думать о Салли и мистере Макси, понимала, что мне не заснуть, если слишком рано лягу.

– Спасибо. И еще два вопроса. Где вы храните ваши личные бумаги? Я имею в виду документы, касающиеся приюта. Письма в комитет, к примеру.

Мисс Лидделл подошла к конторке розового дерева:

– В этом ящике, инспектор. Естественно, я его запираю, но убирать в комнате я разрешаю только самым надежным девушкам. Ключ лежит вот в этом небольшом ящике наверху.

Она приподняла крышку конторки и показала, где именно. Пожалуй, только самая ленивая и тупая горничная не

найдет ключ, решишь она его поискать, подумал Дэлглиш. Мисс Лидделл явно привыкла иметь дело с девицами слишком трусливыми, чтобы совать нос в официальные бумаги. Но Салли Джапп, он подозревал, не была ленивой или тупой. Он поделился своими сомнениями с мисс Лидделл, и, как того и ожидал, образ Салли, ее перебирающие бумаги пальцы и насмешливый взгляд взбесили мисс Лидделл куда сильнее, чем его вопрос относительно семьи Макси.

– Вы считаете, что Салли могла рыться в моих вещах? Ни за что бы в это не поверила, но, может, вы правы. Да-да, теперь понятно. Вот почему ей нравилось убирать здесь. Все это послушание, вежливость – одна видимость! И подумать только – я доверяла ей. Я впрямь считала, что она привязана ко мне, что я помогаю ей. Вы знаете, она делилась со мной своими секретами. Но она врала мне, ясное дело. Смеялась небось надо мной. Небось и вы меня дурой считаете. Что ж, может, и так, но я ничего такого не сделала, чего бы мне надо было стыдиться. Ничего! Вам наверняка уже доложили о той сцене в столовой Макси. Ей меня не напугать. Кое-какие были у меня здесь трудности в прошлом. Я с цифрами и счетами не в ладах. Никогда и не прикидывалась, что у меня это получается. Но ничего дурного я не сделала. Спросите у любого члена комитета. Салли могла рыться в моих бумагах, сколько ей заблагорассудится. Ей бы только на пользу пошло.

Ее трясло от бешенства, и, произнося последние слова,

она даже не пыталась скрыть горькое злорадство. Дэлглиш не ожидал, что его последние слова будут иметь такой эффект.

– Один из моих подчиненных был у Прокторов, ее ближайших родственников. Мы надеялись, что они сообщат нам какую-нибудь информацию относительно ее жизни. Дома была их дочка, она кое-что рассказала нам. Не объясните ли мне, мисс Лидделл, почему вы звонили мистеру Проктору рано утром в субботу – в утро праздника? Девочка сказала, что она подходила к телефону.

Яростное негодование внезапно сменилось крайним удивлением. Забавное получилось зрелище.

– Я-а? Звонила мистеру Проктору? Не понимаю, о чем вы! Я не разговаривала с Прокторами с тех пор, как Салли переехала в Мартингейл. Они никогда ею не интересовались. С чего это вдруг мне звонить Проктору?

– Это как раз мне и хотелось узнать, – сказал Дэлглиш.

– Глупость какая-то! Если бы я позвонила Проктору, с чего бы мне теперь отказываться?! Не звонила я. Девочка сказала неправду.

– Безусловно, кто-то говорит неправду.

– Я не говорю, – отрезала мисс Лидделл решительно, хотя грамматически не очень верно.

Дэлглиш, по крайней мере в этом, был склонен поверить ей. Когда она провожала его до дверей, он спросил мимоходом:

– Вы рассказали кому-нибудь, возвратясь домой, о том,

что произошло в Мартингейле, мисс Лидделл? Если ваша помощница еще не легла спать, вы, естественно, сообщили ей о помолвке.

Мисс Лидделл замялась, потом стала оправдываться:

– Эту новость все равно бы все узнали, верно? Я хочу сказать, Макси вряд ли рассчитывали, что она будет храниться в тайне. Я действительно рассказала мисс Поллак. И мисс Пуллен. Она пришла из «Розового коттеджа», чтобы вернуть чайные ложки, которые мы давали на праздник. Болтала с мисс Поллак, когда я вернулась из Мартингейла. Так что мисс Пуллен знала тоже, но вы же не станете утверждать, что есть какая-то связь между тем, что я рассказала ей, и смертью Салли?

Дэлглиш ответил уклончиво. Он не был в этом уверен.

2

К ужину дневная суeta в Мартингейле вроде бы улеглась. Дэлглиш и сержант продолжали работать в кабинете, откуда сержант вдруг выныривал переговорить с полицейским, дежурившим на крыльце. Прикатывали таинственные полицейские машины, выгружали пассажиров в полицейской форме, ждали их недолго, а потом увозили. Макси и их гости наблюдали за приездами и отъездами из окон, но ни за кем с полудня не присылали, похоже, допрос закончился на этот день, и все могли надеяться, что во время ужина их

никто не станет беспокоить. В доме вдруг стало очень тихо, и когда Марта в половине восьмого боязливо ударила в гонг, его звук, бесцеремонно вторгаясь в горестное молчание, показался обитателям дома, чьи нервы и так были на пределе, неестественно громким. Призрак Салли скользнул от дверей к буфету, и когда миссис Макси позвонила и открылась дверь, никто не поднял головы. Настроение самой Марты отразилось на меню, оказавшемся весьма скудным, аппетита ни у кого не было, да и с чего ему было быть. Потом они перешли в гостиную, словно их всех призвал чей-то неслышный голос. Они очень обрадовались Хинксу, увидев, как тот идет мимо окна, и Стивен вышел к нему навстречу. Он был посланцем внешнего мира, одно это успокаивало. Никто ведь не мог обвинить викария в убийстве Салли Джапп. Он, видно, пришел их поддержать и утешить. Но единственным утешением сейчас для Макси могло быть одно – весть, что Салли не умерла, что им просто приснился кошмарный сон и они сейчас проснутся, усталые и измученные от недосыпу, но ликующие, что все это сплошная выдумка. Но если ждать этого не приходилось, оставалось черпать силы в беседе с человеком, на которого не падала тень подозрения и который мог хоть немного скрасить этот чудовищный день. Они, оказывается, даже шепотом говорили, и когда Стивен окликнул священнослужителя, его голос прогремел выстрелом. И вот Хинкс уже с ними – он вошел в гостиную следом за Стивеном, четыре пары глаз вопроша-

юще смотрели на него, словно ждали приговора, который им вынес окружающий мир.

– Бедняжка, – сказал он. – Бедняжка. Вчера вечером она была так счастлива.

– Вы разговаривали, значит, с ней после праздника? – Стивен не смог подавить требовательные нотки.

– Нет, не после праздника. Я все время путаюсь, когда это было. Такая глупость. Да, вы вот сейчас спросили, и я вспомнил, я с ней вообще вчера не разговаривал, хотя, конечно, видел в саду. В очень красивом белом платье. Нет, я разговаривал с ней в четверг вечером. Мы шли с ней по дороге, и я спросил ее о Джимми. Да, думаю, в четверг. Да, верно, потому что в пятницу я весь вечер был дома. Последний раз я с ней в четверг разговаривал. Она была такая счастливая! Сказала мне о своем замужестве, о том, что у Джимми будет отец. Ну да вы, думаю, все сами знаете. А для меня это было неожиданностью, но, конечно же, я был рад за нее. И вот тебе пожалуйста. Полиция еще ни до чего не дозналась?

Он оглядел всех вежливо-вопросительным взглядом, не понимая, видно, какое впечатление произвели его слова. С минуту все молчали, потом Стивен сказал:

– Вы, вероятно, тоже знаете, отец, что я просил Салли стать моей женой. Но она не могла сказать вам об этом в четверг. Она тогда еще этого сама не знала. Я ни разу не говорил ей, что собираюсь сделать предложение, покуда не сделал его без двадцати восемь в субботу вечером.

Кэтрин Бауэрз хмыкнула и тут же в замешательстве отвернулась под взглядом Деборы. Хинкс нахмурил брови, но его старческий тихий голос звучал твердо:

– Я путаюсь во времени, за мной это водится, но мы встретились в четверг, я в этом уверен. Я выходил из церкви после вечерней службы, а Салли проходила мимо с Джимми, он сидел в прогулочной коляске. Я не могу ошибиться – разговор был именно об этом. Может, слова не совсем такие были, но общий смысл такой. Салли сказала, что у Джимми скоро будет отец. Она попросила меня никому не говорить. Я пообещал и добавил, что очень рад за нее. Спросил, знаю ли я жениха, но она засмеялась и сказала: пусть это будет сюрпризом. Она была возбуждена и счастлива. Мы совсем немного прошли вместе, я расстался с ней у своего дома, а она, думаю, пошла сюда. Я считал, вы об этом знаете. А что, это так важно?

– Инспектор Дэлглиш скорее всего сочтет, что это важно, – сказала сухо Дебора. – Думаю, вам надо зайти к нему и все рассказать. Тут выбирать не приходится, поверьте. У этого человека сверхъестественный дар извлекать на свет божий неудобные истины.

Хинкс разволновался, но быстрый стук в дверь спас его от необходимости отвечать – появился Дэлглиш. Он держал маленький, заляпанный грязью пузырек, который был завернут в белый носовой платок.

– Узнаете? – спросил он.

Стивен пересек комнату, взглянул на пузырек, но трогать не стал.

– Да. Это снотворное из аптечки отца.

– Осталось семь таблеток. Подтверждаете ли вы, что исчезли три таблетки после того, как вы положили их в пузырек?

– Естественно. Я же говорил вам. Там было десять таблеток, три грана¹³ каждая.

– Спасибо, – сказал Дэлглиш и снова повернулся к выходу.

Когда он взялся за ручку, Дебора спросила:

– Нельзя ли нам узнать, где был найден пузырек?

Дэлглиш взглянул на нее, словно вопрос и в самом деле требовал серьезных размышлений.

– Почему бы нет? Не исключено, что один из вас действительно хочет узнать. Его нашел мой помощник, его кто-то зарыл в газоне, на том месте, где во время праздника обычно ведутся раскопки клада. Вы, верно, знаете, что там дерн срезан, причем основательно, должно быть, участники соревнования очень старались. Несколько кусков рядом лежат. Пузырек засунули в норку, придавив дерном. Тот, кто это сделал, предусмотрительно пометил место деревянным именовым колышком, который валялся поблизости. Любопытно, что на нем ваше имя, миссис Рискоу. В вашей кружке – какао со снотворным, ваш колышек служит отметиной для припрятанного пузырька.

¹³ 1 гран – 0,0648 г.

– Но что это значит? – спросила Дебора.

– Если кто-нибудь сможет дать мне ответ на этот вопрос, я еще час-два буду в кабинете. – Он учтиво обратился к Хинксу: – Вы, должно быть, мистер Хинкс, сэр? Я хотел повидать вас. Если вас не затруднит, уделите мне, будьте любезны, несколько минут.

Викарий оглядел семейство Макси озадаченно и печально. Помолчал, будто хотел что-то сказать. Потом без слов вышел вслед за Дэлглишем из комнаты.

3

Только в десять вечера Дэлглиш смог допросить доктора Эппса. Тот почти весь день посещал больных – требовавших и не требовавших неотложной медицинской помощи в воскресенье, но они служили ему веским основанием откладывать беседу с инспектором. Если доктор хотел что-то скрыть, он, безусловно, выигрывал от такой тактики. Его вроде бы не было оснований подозревать из-за отсутствия мотива. Но он был врачом семейства Макси, их близким другом. Он не станет в открытую подвергать представителей закона обструкции, но он вправе иметь свой, нешаблонный, взгляд на закон, и у него, если захочет избежать неудобных вопросов, есть лазейка – его профессиональный долг предписывает ему хранить врачебную тайну. У Дэлглиша и раньше были неприятности с такими типами. Впрочем, волновать-

ся не стоило. Доктор Эппс, казалось, видел в визите инспектора медицинские цели, он пригласил его, весьма радушно, в свой хирургический кабинет, который явно был пристроен позднее к дому георгианских времен, и устроился на вертящемся стуле возле письменного стола. Дэлглишу было указано на кресло для пациентов, большое деревянное резное кресло, такое низкое, что в нем вряд ли почувствуешь себя непринужденно и перехватишь инициативу. Он даже ждал, что доктор начнет засыпать его обескураживающими, касающимися его, Дэлглиша, личной жизни вопросами. И действительно, доктор Эппс, очевидно, решил говорить сам. Да это и устроило Дэлглиша, который безошибочно угадывал, в каких именно случаях он узнает больше, если будет молчать. Доктор закурил большую, причудливой формы трубку.

– Я вам не предлагаю закурить. Или выпить по поводу нашей встречи. Знаю, что у вас не заведено пить с теми, кто может быть на подозрении. – Он бросил цепкий взгляд на Дэлглиша – посмотреть, как тот прореагирует, но, не получив ответа, раскурил трубку несколькими мощными затяжками и заговорил: – Не стану тратить впустую вашего времени и говорить, как ужасно случившееся. В голове не укладывается. И тем не менее кто-то ее убил. Сжал горло и задушил. Ужасно жаль миссис Макси. Девушку, конечно, тоже, но я, естественно, думаю о живых. Стивен позвал меня в семь тридцать. Девушка была мертва, сомневаться не приходилось. Насколько я могу судить, смерть наступила за семь

часов до того. Полицейский хирург знает точнее, чем я. Девушка не была беременной. Я осматривал ее на этот предмет и знаю. Но деревенские прежде всего заподозрили именно это. Они всегда готовы услышать самое скверное. Тогда был бы мотив преступления – для кого-то.

– Если уж думать о мотиве, – ответил Дэлглиш, – давайте начнем с помолвки со Стивеном Макси.

Доктор заерзал на стуле.

– Чушь все это. Парень – болван. У него ни пенса за душой нет, кроме того, что он зарабатывает, а это мизер. Конечно, когда отец умрет, кое-что ему перепадет, но старые семьи живут и держат хозяйство на основном капитале, им и продать-то нечего. Правительство из всех сил старается, облагая налогами все, что у них есть. А этот прохвост Доход жиреет за счет не поддающихся налогам махинаций. С ума нас сводит! Ну да это не ваша проблема. Можете мне поверить, Макси не в состоянии на ком-нибудь сейчас жениться. А где, он рассчитывал, Салли будет жить? Останется со свекровью в Мартингейле? Дурак всегда сам напрашивается, чтобы его к психиатру отвели.

– Из всего из этого явствует, – сказал Дэлглиш, – что этот брак был бы для семейства Макси стихийным бедствием. А следовательно, несколько человек были заинтересованы, чтобы он не состоялся.

Доктор с вызовом перегнулся к нему через стол:

– Ценой убийства девчонки? Чтобы младенец остался не

только без отца, но и без матери? За кого вы нас принимаете?

Дэлглиш не ответил. Факты оставались неоспоримыми. Кто-то убил Салли Джапп. Кто-то, кого не остановило даже присутствие спящего ребенка. Но он отметил, что доктор не отделяет себя от Макси. «За кого вы нас принимаете?» Кому предан доктор Эппс, не оставляет сомнений.

В маленькой комнатке становилось все темнее. Сопя от напряжения, доктор потянулся через стол и включил лампу. Она была на штативе, и он терпеливо ее налаживал, чтобы свет падал на руки, а лицо оставалось в тени. Дэлглиш почувствовал усталость, предстояло еще уйму дел переделать, пока кончится рабочий день. Он сказал о главной причине своего визита:

– Мистер Саймон Макси – ваш пациент, если не ошибаюсь?

– Конечно. Всегда был. Сейчас ему уже не поможешь. Вопрос времени, нужен хороший уход, и только. В основном за ним ухаживает Марта. Да, он мой пациент. Совершенно беспомощный. Прогрессирующий атеросклероз с целым букетом других болезней. Если вы думаете, что он мог забраться наверх и прикончить горничную, вы ошибаетесь. Сомневаюсь, подозревал ли он вообще о ее существовании.

– Но если не ошибаюсь, вы прописывали ему снотворное на протяжении последнего года?

– Хорошо бы, не говорили вы это свое «если не ошибаюсь». Вы отлично знаете, что я прописывал. Никто из этого

секрета не делал. Не пойму, правда, какое оно имеет отношение к убийству. – Внезапно он напрягся. – Не хотите же вы сказать, что сначала ей дали снотворное?

– У нас еще нет эпикриза, но, похоже, дали.

Доктор не стал прикидываться, что не понимает:

– Плохо.

– Да уж мало хорошего. И есть другие настораживающие детали.

Дэлглиш рассказал доктору, что снотворное пропало, рассказал, где Салли якобы нашла таблетки, что Стивен сделал с десятью таблетками, о том, что пузырек нашли на лужайке, где искали клад. Когда он закончил, в комнате повисла тишина. Доктор осел на стуле, казавшемся слишком изящным для его плотной, мощной фигуры. Он заговорил низким, дрожащим голосом, и в нем послышались старческие, усталые нотки:

– Стивен не сказал мне. Но из-за этого праздника возможности не было толком поговорить. Может, решил, что от меня мало пользы. Я должен был знать, понимаете. Он не мог позволить себе такую небрежность. Его отец... мой пациент. Я знаю Саймона Макси тридцать лет. Принимал его детей. Врач должен знать своих пациентов, знать, когда им нужно помочь. Я оставлял лекарства – раз в неделю. Даже не всегда заходил к нему в комнату в последнее время. Не видел в этом смысла. Не понимаю, куда смотрела Марта. Она ухаживала за ним, все делала. Должна же была она прознать про

эти таблетки. Если Салли сказала правду.

– Трудно представить, что она выдумала. К тому же она показала таблетки. Как я понимаю, их можно купить только по рецепту врача?

– Конечно. Просто так купить в аптеке нельзя. Это правда. Я не усомнился ни на секунду. А себя я виню. Должен был заметить, что происходит в Мартингейле. Не только с Саймоном Макси. Со всеми.

Значит, он думает, что совершил убийство один из них, подумал Дэлглиш. Он четко представляет, как разворачиваются события, и ему это не нравится. Его-то тут не большая вина. Он думает, что преступление совершено обитателями Мартингейла. Но твердо ли он в этом уверен? И если да, то кто же из них преступник?

Он спросил, как прошел вечер в субботу в Мартингейле. Рассказ доктора Эппса о том, как Салли выглядела перед ужином, и о том, что Стивен сделал предложение, получился менее эффектным, чем у Кэтрин Бауэрз и мисс Лидделл, но в основном совпал с их рассказами. Он подтвердил, что ни он, ни мисс Лидделл не выходили из кабинета, пока считали деньги, и что он видел, как Салли поднялась по главной лестнице, когда они с хозяйкой дома проходили по холлу к парадным дверям. Он помнит, что Салли была в халате и несла что-то в руках, но что именно – не помнит. Может, чашку с блюдцем, а может, кружку. Он не разговаривал с ней. Это был последний раз, когда он видел ее живой.

Дэлглиш спросил, кому еще в округе прописываются таблетки снотворного.

– Я должен просмотреть свои бумаги, коль скоро вы требуете от меня точности. Это займет приблизительно минут тридцать. Речь ведь идет не о заурядном рецепте. Я могу вспомнить одного-двух. Может, конечно, еще кого-нибудь. Сэр Рейнольд Прайс с мисс Поллак из приюта Святой Марии принимают их, я знаю. Конечно, мистер Макси. Между прочим, а что сейчас с его лекарствами?

– Все снотворные препараты мы изъяли. Как я понял, доктор Макси прописал эквивалент тому, что вы давали. А теперь перед уходом, доктор, я хотел бы переговорить с вашей экономкой.

Прошла целая минута, прежде чем до доктора дошло сказанное. Потом он с трудом поднялся и, бормоча извинения, пошел из кабинета в жилую половину. От экономки Дэлглиш получил на свои вполне тактичные вопросы нужные ответы – доктор действительно пришел домой без пятнадцати одиннадцать вечера, а в одиннадцать часов десять минут его вызвали принимать роды. Он и не ждал других ответов. Он мог бы перепроверить это у родственников роженицы, но сомневаться не приходилось – они подтвердят алиби до половины четвертого утра, когда он отбыл из дома миссис Бейнс в Нессингфорде, счастливой обладательницы своего первенца. Доктор Эппс был занят большую часть субботней ночи тем, что помогал появиться на свет божий новой жизни, а не

душил ее в Салли Джапп.

Доктор пробормотал что-то о позднем визите и проводил Дэлглиша до ворот, накинув на себя – стало прохладно – дорогое просторное пальто, которое было велико ему по меньшей мере на один размер. Когда они были у ворот, доктор, державший руки в карманах, вдруг воскликнул от удивления и вытащил правую руку – на ладони лежал маленький пузырек. Он был почти полон коричневых таблеток. Двое мужчин какое-то время молча смотрели на них. Потом доктор Эппс сказал:

– Снотворное.

Дэлглиш взял носовой платок, завернул в него пузырек и опустил в карман. Он отметил инстинктивный протестующий жест доктора.

– Это лекарство сэра Рейнольда, инспектор. Не имеет никакого отношения к Макси. Это пальто Прайса, – говорил он, оправдываясь.

– А когда пальто перешло к вам, доктор? – спросил Дэлглиш.

Снова долгая пауза. Потом доктор, казалось, вспомнил подробности, которые не было смысла скрывать.

– Я купил его в субботу. На церковном празднике. Купил как бы в шутку... Ну как бы мы сговорились... я... и хозяйка.

– А кто это? – спросил неумолимый Дэлглиш.

Доктор Эппс, не глядя ему в глаза, ответил уныло:

Воскресенье словно вырвали из нормального течения жизни, оно тянулось бесконечно, придавленное ужасным наследием, полученным от предыдущей недели; и вот настало утро понедельника, бесцветное и безликое, просто начало дня. Почта была больше обычного – награда за исправный телефон и другие, более незаметные и менее научные методы связи в сельской местности. Должно быть, на следующий день, когда весть об убийстве в Мартингейле дойдет до тех, кто черпает информацию из газет, почта будет еще тяжелее. Дебора заказала полдюжины газет. «Что это – инстинктивная самозащита или искреннее любопытство?» – подумала мать.

Полицейские по-прежнему оккупировали кабинет, хотя сообщили о своем намерении перебраться в гостиницу «Охотники за лунной»¹⁴ в конце дня. Миссис Макси мысленно пожелала им приличной еды. Комната Салли была закрыта. Ключ был только у Дэлглиша, он не объяснял никому, почему он частенько туда заходит, что он там нашел или что надеялся найти.

¹⁴ Прозвище жителя графства Уилтшир. По преданию, уилтширцы, достававшие граблями из пруда бочонки с контрабандным бренди, ответили на вопрос акцизных чиновников, что ловят луну.

Лайонел Джефсон приехал рано утром, суетливый, крикливый и бестолковый. Макси надеялись только на то, что он окажется для полицейских такой же обузой, какой и для них. Как Дебора и предполагала, он совершенно растерялся в непривычной ситуации. Его взвинченность, бесконечные советы и замечания доказывали, что он или сомневается в невиновности своих клиентов, или не верит в возможности полиции. Все в доме вздохнули с облегчением, когда он умчался перед ленчем в город, якобы проконсультироваться с коллегой.

В двенадцать телефон зазвонил в двадцатый раз.

В трубке загудел голос сэра Рейнольда Прайса, отчитывающего миссис Макси:

- Это позор, моя дорогая! Чем там занимается полиция?
- Сейчас, думаю, пытается выйти на след отца ребенка.
- Боже! Зачем? Лучше бы они выяснили, кто убил ее.
- Они считают, что между этими фактами есть связь.
- Чушь у них в голове. Они и у меня побывали. Хотели узнать о каких-то там таблетках, которые Эппс прописал мне. Да это было несколько месяцев назад. Удивительно, что он запомнил. И с чего это они интересовались ими, как повашему? Удивительно. «Пока что не собираетесь меня арестовывать, инспектор?» Это я у него спросил. И знаете, ему понравилось. – Веселый смех сэра Рейнольда неприятно задребезжал у миссис Макси в ухе.

– Представляю, как он вам докучал, – сказала миссис Мак-

си. — Боюсь, что это грустное происшествие много неприятностей всем нам доставит. Они уехали довольные?

— Полицейские? Дорогая моя, полицейские никогда не бывают довольными. Я просто сказал им: «Вам у меня ничего не найти. Горничные выбрасывают все, что не заперто на ключ». Смешно искать пузырек с таблетками, которые я принимал несколько месяцев назад. Идиотская затея. Инспектор, видимо, полагал, что я должен запомнить, сколько я принял и где остальные. Нет, вы подумайте! Я сказал ему, что у меня есть занятия поинтереснее. Они еще спрашивали о том, что у нас произошло года два назад в приюте Святой Марии. Инспектору очень хотелось услышать от меня подробности. Узнать, почему вы вышли тогда из комитета, ну и так далее.

— А как они до этого докопались?

— Какой-то болван слишком болтлив. Удивительно, как это люди не умеют держать язык за зубами, особенно с полицейскими. Этот малый Дэлглиш спросил меня, почему вы не состоите в комитете приюта Святой Марии, когда практически все в округе под вашим неусыпным оком. Я сказал ему, что вы вышли два года назад из комитета, когда у нас там были неприятности, естественно, он захотел узнать, какие именно. Спросил, почему мы тогда не расстались с Лидделл. Я ответил ему: «Дорогой мой, нельзя выбрасывать женщину на улицу, она же двадцать пять лет проработала. Да и не то чтобы она была действительно нечиста на руку». Это

мой принцип. Всегда был и будет. Может, она неаккуратно вела бумаги, путала в счетах, но это не имеет ничего общего с намеренной бесчестностью. Я сказал, что мы пригласили ее на заседание комитета – очень все тихо и тактично было, а потом послали ей письмо, подтверждающее новые финансовые условия, дабы избежать нечеткости. Отвратное письмо, в сущности. Я знал, вы тогда считали, что мы должны передать приют мощному, богатому комитету или какой-нибудь национальной ассоциации матерей-одиночек, вместо того чтобы приют был частным предприятием и существовал на пожертвования; об этом я и сказал инспектору.

– Я считала, что настало время передать трудную работу в руки опытных, знающих людей, сэр Рейнольд, – ответила миссис Макси, проклиная себя за опрометчивость, из-за которой она вновь оказалась втянутой в эту давнюю историю.

– Именно это я и имею в виду. Я сказал Дэлглишу: «Миссис Макси, безусловно, была права. Я не говорю, что она не права. Но леди Прайс прекрасно справлялась с приютом, она ведь фактически его основала, и, естественно, я не хочу его никому передавать. И так столько мелких независимых учреждений брошены на произвол судьбы. Самое важное – личное отношение. Я не сомневаюсь, что мисс Лидделл совсем запутала счета. Слишком много ей приходится из-за них мучиться. Цифры – не женского ума дело». Он, конечно, согласился. И посмеялся от души.

Миссис Макси имела все основания поверить этому. Картинка складывалась не очень привлекательная. Без сомнения, залог успеха сыщика – способность найти общий язык со всеми. От души позабавившись, Дэлглиш принялся обдумывать новую версию, миссис Макси не сомневалась в этом ни минуты. Но мисс Лидделл?! Кружки и чашки с питьем на ночь были приготовлены к десяти вечера. После этого мисс Лидделл все время была в поле зрения хозяйки дома. Они вместе стояли в прихожей и наблюдали, как сияющая, ликующая Салли несла кружку Деборы к себе. У мисс Лидделл, может, был бы мотив, если бы за словами Салли что-нибудь стояло, но нет доказательств, что у нее был способ избавиться от Салли и уж тем более – случай воспользоваться им. Миссис Макси, никогда не любившая мисс Лидделл, все-таки надеялась, что полузабытые унижения двухлетней давности умерли в Алисе Лидделл – не очень способной, не очень умной, но по натуре доброй и приветливой.

Тем временем сэр Рейнольд продолжал говорить:

– Между прочим, я не придаю значения диким сплетням, что кружат по округе. Люди любят болтать, так уж они устроены, но как только полиция найдет убийцу, сплетни погаснут. Будем надеяться, что у них дело движется. Не забудьте дать мне знать, если что нужно будет. И не забудьте получше запереться на ночь. Следующей может оказаться Дебора или вы. И вот еще что... – Голос сэра Рейнольда стал хрупким, в нем слышались заговорщические нотки, миссис Макси

пришлось напрячься, чтобы разобраться, о чем он. — Я о мальчике хочу сказать. Милый малыш, я видел его. Любовался им, он сидел в коляске во время праздника. Я подумал сегодня утром, может, мы предпримем что-нибудь. Мало хорошего, коли мать потеряешь. Без отчего дома. Ему ведь нужен уход. Где он сейчас? С кем?

— Джимми отвезли в приют Святой Марии. Самый лучший выход. Не знаю, что потом с ним будет. Все еще в себя не пришли, не знаю, подумал ли кто о нем в этой суете.

— Всему свое время, дорогая. Всему свое время. Может, его кто-нибудь усыновит. Надо внести свою фамилию в список претендентов. Я думаю сказать об этом мисс Лидделл.

Миссис Макси не нашлась, что ответить. Она была больше осведомлена в правилах усыновления ребенка, чем сэр Рейнольд, и не была уверена, что он самая подходящая кандидатура на роль родителя. Если Джимми будут усыновлять, учитывая трагические события, окажется много желающих. Она вот тоже беспокоится о будущем ребенка. Правда, она об этом не сказала, ограничилась замечанием, что родственники Салли могут усыновить мальчика, и, пока не станут известны их намерения, нельзя предпринимать никаких шагов. Не исключено даже, что найдут его отца. Сэр Рейнольд поднял миссис Макси на смех — какой там отец, но дал обещание ничего не делать второпях. Еще раз пострадав ее маньяками-убийцами, он положил трубку. Вот уж поистине второго такого болвана, как сэр Рейнольд, во всей округе не сыщешь,

подумала миссис Макси, и с чего это у него душа стала болеть за Джимми?!

Она со вздохом положила трубку и занялась дневной почтой. С полдюжины писем было от друзей, которые, испытывая некую неловкость, выражали свое сочувствие и приглашали отужинать, подтверждая тем самым уверенность в невиновности Макси. Миссис Макси эта поддержка скорее развеселила, чем вселила бодрость. Следующие три конверта надписаны были незнакомым почерком, она нехотя вскрыла их. Может, лучше было бы сжечь их, не вскрывая, но кто знает, что там. Так ведь можно пропустить важное сообщение. К тому же мужественной женщине не следует бояться неприятностей, а Элеонора Макси была женщиной храброго десятка. Но в первых двух письмах не было ничего такого уж неприятного. Одно даже было ободряющим. Оно состояло из трех коротких, отпечатанных на машинке текстов, еще на нем в непонятном соседстве красовались малиновки и розочки, в конце сообщалось, что претерпевший до конца спасется¹⁵.

В письме также содержался призыв содействовать тому, чтобы эта благая весть была услышана, а потому тексты следовало переписать и раздать попавшим в беду друзьям. Большинство друзей миссис Макси делились с ней своими горестями, и все-таки она выбросила письмо в мусорную корзину не без угрызений совести. Следующее письмо было запеча-

¹⁵ Новый Завет. От Матфея, 10:22.

тано в конверт, пахнувший сиренью, оно было от некой леди, которая сообщала о своих способностях экстрасенса и готова была за денежное вознаграждение провести сеанс, во время которого придет Салли и скажет имя убийцы. Она была уверена, что сообщение Салли вполне устроит семейство Макси, другими словами, автор письма полагала, что они не знают, кто убийца. На следующем послании была отметка местного почтового отделения, оно сообщало буквально следующее: «Тебе мало было, что ты изводила ее до смерти непосильной работой, грязная убийца!» Миссис Макси внимательно разглядела почерк, но не припомнила, видела ли она его раньше. Почтовый штамп говорил сам за себя, она поняла, откуда эти угрозы. И решила пойти в деревню за покупками.

В маленькой деревенской лавочке было болеелюдно, чем обычно, и по тому, как смолк разговор, когда она вошла, она не сомневалась, о чем тут судачили. Тут были миссис Нельсон, мисс Поллак, старик Саймон с фермы «У плотины», которого считали самым старым в округе, в силу чего он полагал, что имеет все основания не следить за собой, одна-две женщины с соседних ферм, их лица и характеры, если они обладали таковыми, были ей совсем незнакомы. В ответ на ее приветствие собравшиеся пробормотали: «Доброе утро», а мисс Поллак даже добавила: «Сегодня опять чудесный день, не правда ли?» – и тут же, глянув торопливо в преysкурant, спрятала вдруг вспыхнувшее лицо за короб-

ками с сухим завтраком. Мистер Уилсон оторвался от своих счетов – он пока что как бы оставался за кулисами – и вышел, как обычно, само почтение, лично обслужить миссис Макси. Высокий, тощий, он смахивал на мертвеца, а на лице его запечатлено было такое отчаяние, что трудно было поверить, что он вовсе не на краю разорения, а владелец вполне процветающей деревенской лавки. До его ушей обычно доходило куда больше сплетен, чем до чьих-нибудь еще в округе, но сам он так редко излагал свое мнение, что его сентенции всегда слушали с величайшим почтением и непременно запоминали. Пока что он хранил молчание по поводу Салли Джапп, но это не означало, что он считает тему недостойной внимания; быть может, это он перед лицом внезапной смерти почтительно смолк. Ясно было, рано или поздно Уилсон вынесет свой приговор, и в округе все очень удивятся, если приговор, вынесенный позднее по всей процедуре именем Закона, окажется иным. Он молча выслушал миссис Макси и начал обслуживать ее – своего самого почетного покупателя, а женщины стайками, невнятно попрощавшись, выползали или, скорее, выметались из лавки.

Когда они ушли, Уилсон, оглядевшись с заговорщическим видом, воздел свои водянистые глазки к небу, словно ища благословения Господа, потом перегнулся через прилавок к миссис Макси.

– Дерек Пуллен, – сказал он. – Вот кто.

– Боюсь, я не понимаю, мистер Уилсон, о чем вы. – Мис-

сис Макси не лукавила. Она могла бы добавить, что и особенного желания у нее нет стараться понять его.

– Я ничего не говорил, предупреждаю вас, мэм. Пусть полицейские сами свое дело делают. Но если они станут вам докучать в Мартингейле, спросите их, где прошлой субботой ночью пропадал Дерек Пуллен. Спросите их об этом. Он проходил здесь около двенадцати ночи. Сам видел его из окна спальни.

И Уилсон с довольным видом человека, приведшего окончательный, не подлежащий сомнению довод, выпрямился и в совершенно ином расположении духа принялся заполнять и подсчитывать счет миссис Макси. Она понимала, ей следует сказать, что любое свидетельство, которым он располагает или полагает, что располагает, он должен сообщить полиции, но она не могла заставить себя сказать это. Она вспомнила, каким она видела Дерек Пуллена в последний раз – тщедушный, прыщеватый, в костюме, купленном в магазине уцененных товаров, и дешевеньких ботинках. Его мать была членом «Женского института»¹⁶, а отец работал на одной из ферм сэра Рейнольда, на той, что побольше. Нет, это слишком глупо и несправедливо. Если Уилсон не станет держать язык за зубами, у Пулленов еще до наступления темноты появятся полицейские, и шут их знает, что они там разнюхают. Мальчишка робкий, из него последние мозги вытряхнут, если они у него вообще-то есть. Потом миссис Мак-

¹⁶ Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

си вспомнила, что кто-то был в комнате Салли той ночью. Должно быть, Дерек Пуллен. Если она хочет спасти Мартингейл от дальнейших мучений, ей надо держаться тверже.

— Если вы располагаете информацией, мистер Уилсон, — сказала она, — думаю, вам надо сообщить ее инспектору Дэлглишу. Однако следует помнить, вы можете причинить вред очень многим невинным людям, выдвигая такого рода обвинения.

Уилсон принял этот мягкий упрек с величайшим удовлетворением, точно он был тем единственным подтверждением, что было необходимо для его версии. Он, очевидно, сказал все, что хотел, предмет исчерпал себя.

— Четыре, пять, девять, десять, один фунт один шиллинг. Всего один фунт шестнадцать шиллингов и два пенса, мэм, — пропел он.

Миссис Макси расплатилась.

5

Тем временем Дэлглиш допрашивал в кабинете Джонни Уилкокса, неряшливого двенадцатилетнего коротышку. Он появился в Мартингейле со словами, что его прислал викарий к инспектору по очень важному делу. Дэлглиш принял его с подчеркнутой учтивостью, предложил сесть поудобнее и все подробно рассказать. Мальчик говорил ясно и связно, Дэлглишу такого интригующего показания еще не довелось

услышать.

Оказывается, Джонни со своими соучениками из воскресной школы должен был помогать разливать чай и мыть посуду. К этому поручению он отнесся так, как всегда относятся мальчишки к домашним делам, – как к чему-то унижительному и, откровенно говоря, не очень-то веселому. Правда, потом обещали накормить до отвала остатками с праздничного стола; эти чаепития пользовались всегда популярностью: в прошлом году прискакали несколько охотников помочь и поесть на дармовщину, разделив жалкую добычу с теми, кто потел целый день, только помощь их никому уже не была нужна.

Джонни Уилкокс долго там не отсвечивал – как только пришло достаточно ребят, чтобы он мог незаметно улизнуть, он прихватил два рыбных сэндвича, три шоколадных батончика, парочку тартинок с повидлом и отправился на сеновал конюшни Боукока, зная, что сам-то Боукок занят – устроил катание на пони.

Джонни сидел себе мирно на сеновале конюшни – жевал гостинцы и читал комикс, сколько времени он там просидел, он сказать не может, помнит только, что остался один батончик, и вдруг услышал шаги и голоса. Значит, не ему одному захотелось тут посидеть тихо-спокойно. Вот пожалуйста, еще двое явились. Он не стал ждать, полезут они наверх или нет, сразу же припрятался – занырнул за большую кипу сена в углу, прихватив с собой шоколадку. Не то чтобы он сдрей-

фил. Джонни привык все неприятности – и если поркой пахнет, и если в постель рано отправляют – избегать очень просто: он загодя прятался. И на этот раз осторожничал не напрасно. Кто-то лез на сеновал, потом он услышал, как отодвинули дверцу люка. Он притаился и заскучал – всей радости, что шоколадку жевал, старался, чтоб ее хватило, пока незваные гости не отчаят. Их было всего двое, голову на отсечение мог дать, а одной из них была Салли Джапп. Он заметил, как на солнце ее волосы вспыхнули, когда она появилась в люке, но он отполз побыстрее назад, пока она целиком не появилась. Можете не сомневаться, Джонни Салли знал отлично, так что ошибки не было – это ее он и видел и слышал на сеновале в субботу днем. Но мужчину не разглядел и по голосу не признал. А выглядывать из-за кипы сена опасно было: чуть пошевелинешься, шум страшный может получиться, так что Джонни сидел тихо-тихо. Сеновал был забит, и их голоса почти не слышны были, к тому же не привык он прислушиваться к скучной и непонятной трепотне взрослых, так что и не подумал вникнуть, про что те болтали. В одном Дэлглиш может не сомневаться – они ссорились, но тихо, о каких-то сорока фунтах говорили, а Салли Джапп под конец сказала, чтобы он взял себя в руки, «следил за светом», и все тогда будет в порядке. Джонни добавил, что говорили-то они долго, но тихо и быстро. Запомнил только эти несколько фраз. Сказать, сколько времени они втроем провели на сеновале, тоже не мог. Ему казалось, целую веч-

ность, у него прямо все тело одеревенело, измаялся от скуки, пока наконец услышал стук дверцы: девушка со своим спутником выбрались с сеновала. Салли – впереди, за ней мужчина. Джонни не выглядывал, пока не услышал их шагов на лесенке. Потом выглянул и заметил руку в кожаной перчатке, задвигавшую люк. Подождал еще несколько минут, потом бегом вернулся в сад на праздник, там его отсутствия никто не заметил. Вот и весь рассказ Джонни Уилкокса о его приключениях в субботу днем; злило, что от Джонни могло быть гораздо больше пользы, повернись все иначе. Будь Джонни чуть отважнее, он разглядел бы мужчину. Будь он постарше или девчонкой, он увидел бы эту тайную встречу в куда более интригующем свете и наверняка бы прислушался к разговору и запомнил побольше, а так отнесся к ней как к помехе, отвлекшей его от вкусной еды. А из этих обрывков трудно пытаться строить какую-нибудь версию. Похоже, он честный парнишка, ему можно доверять, но очень уж легко соглашается, что, может, и ошибся. Ему показалось, что Салли говорила о «свете», но не исключено, что ему это действительно показалось. Ведь он не очень-то прислушивался, с другой стороны, те говорили очень тихо. Ни минуты не сомневался, что это была Салли, а также в том, что свидание было неприятное. Насчет времени, когда он вышел из конюшни, тоже не был уверен. Чай начался где-то около половины четвертого и продолжался до тех пор, пока все не напились и не наелись. Джонни считал, что сбежал он от мис-

сис Коуп в половине пятого. Сколько прятался в конюшне — не помнил. Ему показалось, очень долго. Пришлось Дэлглишу довольствоваться вот такими показаниями. Что касается самого свидания, то очень похоже на шантаж, и скорее всего было назначено второе свидание. Но тот факт, что Джонни не узнал мужчину по голосу, вроде бы дает основания считать, что это был не Стивен Макси или кто-то из местных, мальчишка ведь почти всех местных прекрасно знает. И это по крайней мере подтверждает версию о том, что в событиях участвовал еще какой-то мужчина. Если Салли шантажировала этого человека и он был на церковном празднике, тогда у Макси не такая мрачная перспектива. Дэлглиш поблагодарил Джонни, предупредил его, что тот не должен никому ничего рассказывать, и отпустил искать утешения в исповеди священнику, а сам стал обдумывать новые показания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.